
ПО СТРАНИЦАМ ЛИТЕРАТУРНОГО АЛЬМАНАХА «СТРЕЖЕНЬ»

МЫ - МОЛОДЫЕ

2011 год

**Лаборатория литературного творчества кафедры
«Русский язык и литература»
Тольяттинского государственного университета**

Главное событие, которое произошло в лаборатории с момента выхода предыдущего номера альманаха «Стрежень» – это приём в члены Союза писателей России Кристины Якименко.

Решение было принято по итогам работы Всероссийского семинара молодых писателей, который состоялся 12 ноября 2010 года в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Секцию поэзии вели секретарь Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов (Москва) и редактор журнала «Сергиев», к.п.н. Александр Ананичев (Сергиев Посад). Секцию прозы – руководитель совета по прозе Союза писателей России Михаил Попов (Москва) и литературный критик, зав. отделом журнала "Подъём" Вячеслав Лютый (Воронеж) . В семинаре также участвовала Ольга Мещерякова. В декабре в литературном журнале "Молодёжная волна» (Самара) № 4 напечатаны рассказы Алины Новиковой и Станислава Доброхотова.

В январе 2011 года в литературном журнале "Русское эхо" (Самара) опубликован рассказ Кристины Якименко "Особенности национального произношения". В марте в Гуманитарном институте ТГУ состоялась презентация журнала "Молодёжная волна", с участием редактора Дениса Домарёва и зав. отделом поэзии Павла Загаринского. В пятом номере журнала раздел "Литературные объединения" посвящён лаборатории. Опубликованы произведения Татьяны Семёновой, Ольги Мещеряковой, Кристины Якименко, Марины Останковой и Натальи Андреяновой.

Семён Краснов
Заведующий лабораторией,
член Союза писателей России.

Екатерина ПОГОРЕЛЕЦ

*Победитель III Литературного турнира молодых поэтов Самарской области в 2011 году
Екатерина Погорелец родилась в 1993 году в Тольятти. Печаталась в литературном журнале
«Русская земля» (Москва), газетах «Вольный город» и «Ставроша» (Тольятти).*

В 2014 году стала кандидатом в члены Союза писателей России. Автор книги стихов.

* * *

Не пробиться сквозь стену,
Не выбить окно,
Не податься в бега,
Не забыть,
Не забыться,
Я летела к тебе,
Где горят облака
Сквозь туман вечеров,
Сквозь холодные лица.

В кровотокающий дождь,
Рассекая квартал,
Рассекая дороги,
Размытые трассы,
Я летела к тебе
На гудящий вокзал,
Где сгущаются тоннами
Серые массы.

Этот сумрачный город,
Накрытый плащом,
Зарастал пеленою
Огней придорожных.
Я летела к тебе
Сквозь ветра напролом
Я не знала,
Что встреча уже невозможна...

Январское утро,
 заснеженный двор,
Замёрзшие реки, пустые тропинки.

А в кухне на окнах
 знакомый узор.
И кружат снежинки.
И кружат снежинки.

А в белых сугробах застыли дома,
Сияют на солнце
 хрустальные льдинки.
Как в сказке чудесно - красива зима.
И кружат снежинки.
И кружат снежинки.

Укрыты посёлки, деревья, поля.
Вокруг всё искрится,
 как будто с картинки,
Под снежным покровом
 уснула земля.
И кружат снежинки.
И кружат снежинки...

* * *

Я знаю, есть долина грёз.
Там на бескрайние просторы
Ложатся тени от берёз,
Туманом стелются озёра,
Свистят разбойники-ветра,
Вечерний дым над лесом вьётся,
И пахнет свежестью с утра,
И молоко по рекам льётся.
В пожаре солнечном горят
Луга, засеянные рожью,
Там поезда в ночи гудят,
Гуляет дождь по бездорожью.

Там снятся сказочные сны,
Там звёзды ближе и роднее,
И в час полночной тишины
Лампадный свет избушку греет.
Там блеск церковных куполов
На солнце утреннем сияет,
И слышен звон колоколов.
На небе кружат птичьи стаи.

И только здесь царит любовь,
И только здесь любить я буду,
Здесь для любви не нужно слов.
Она во всём, она повсюду.
Роса на листьях – капли слёз.
А я – в предчувствии, я знаю,
Ты ждёшь меня, долина грёз,
Навек родной, кусочек рая.

* * *

Я помню, ночь укрыла город
Своим таинственным плащом.
Июль тогда был свеж и молод,
Он пах сиренью и дождём.
В прохладе летней растворялись
Ночные птицы - чьи-то сны,
В оконных рамах отражались
Шальные блики от луны.
Блуждали тени от предметов,
Шептались листья за окном,
А мы сидели неприметно
На подоконнике твоём.
Я знаю, наши разговоры
Тогда подслушивал фонарь,
И под его манящим взором

Светилась призрачная даль.
Нас эта ночь вслед за собою
Несла на звёздных парусах,
Туда, где слышен шум прибоя
И диких чаек голоса.
Туда, где блещут океаны,
Туда, где горы до небес,
Несла к большим
 красивым странам,
К далёкой гавани чудес.

Над бесконечными лесами,
Над пеленой волшебных снов.
Над горизонтом расстояний,
Стирая грани облаков.
Над часовыми поясами
В тени застывших городов,
Где спят вокзалы в ожиданье
Ночных гудящих поездов...
Застыли наши силуэты
На подоконнике твоём,
Запахло свежестью рассвета,
Хрустальный луч пробрался в дом.
От солнца небо заискрилось.
Сегодня будет жаркий день.
Над горизонтом растворилась
Ночная призрачная тень.

* * *

До рассвета два часа.
Ты меня разлюбишь завтра.
Я увижу по глазам,
Я пойму всё... и внезапно
Станет солнце меньше греть,
Станут звёзды в небе дальше,
Перестанет ветер петь,
Только ливни будут чаще
Бить по струнам и щекам,
По пустынным тротуарам
И холодная река
Утечёт тяжелым паром.
До рассвета два часа.
Видишь? Осень разрывает
На деревьях паруса.
Ты меня разлюбишь, знаю
Будет пусто и темно,
И бессмысленна дорога.
Я прошу лишь об одном,
Я прошу совсем немного:
Постарайся не забыть,
Как дышал вулкан мгновенный,
Как ты мог меня любить
Всей душою, всей Вселенной!!!

До рассвета два часа.

Анна БАРАБАНОВА

*Победитель в секции «Литературное творчество» конгресса школьников «Шаг в будущее»
Тольяттинского государственного университета в 2011 году*

* * *

Расстаёшься с детством.
Пожимая руку,
Попроси от сердца
Дорогого друга:
«Незачем прощаться,
Позови – вернусь я,
Может, старым счастьем,
Может, новой грустью.
А теперь в рассветах,
Надо ж так случиться,
Целых три планеты
Маленького принца».

Звёзды ночь откроет,
Небу рассказать:
«Это астероид
И – твои глаза».
День темнеет рано,
Забирая свет...
Как же я останусь
Без его планет?

* * *

Два слова «до свидания»
и «здравствуй»
Соединяет утренний вокзал.
И светятся дождём
и грустной лаской
Встречающих
и провожающих глаза.
Летят обрывки фраз.
И вместе с ветром
С платформы крик:
«Счастливого пути!» -
Два ничего незначащие метра
По шпалам
вслед за поездом пройти.

И позабыть,
конечно, невозможно,
Как на полыни оседает пыль,
И вьётся лёгкой дымкой
придорожной
За рельсами белеющий ковыль.
И тянется,
как будто от порога,
Пологая зелёная гора...

Обычная железная дорога
Соединяет завтра и вчера.

ТРОПИНКА

Цепляя паутинки,
Брожу я наугад.
Веди меня, тропинка,
Куда глаза глядят!

В репейнике штанины,
А в туфлях – склад песка.
Тропинка – паутина,
Веди под облака,
Туда, где робко тлеется
Фонарик светлячка,
И верится, что сбудется
Мечта наверняка.

* * *

Звёзды пахнут хлебом,
К нам вечер присоседится
И вычерпает небо
Ковшом Большой медведицы.
Утренней росинкой
Август, спящий где-то,
Золотой косынкой
Укрывает лето.

ЭТЮД О ЛЕТЕ

И в напряжение замер дом –
Летают кисти...
И замолкают за стеклом
Испуганные листья.
И даже ветер, не дыша,
Проходит тише...
Всё, что увидела душа,
Художник пишет.

От отшумевшего дождя
Роса засветит.
Увидишь, мимо проходя,
Этюд о лете.
О том, как ветер танцевал
С помятой шторой,
И как проходит листьев бал
С грозой скорой.

Мария БОНДЯЕВА

НОВАЯ РИГА

Я иду по золоту листвы,
Ветер в спину.
Крылья. Вниз, с горы!
Здесь мой мир
До малого листа –
Я обворожительно чиста.

Я одна
Под небом, над землёй.
Я иду
По звёздному песку.
Надо мной –
Израненный, больной
Бог.
Протяжным криком
В тишине
Вдаль уносит ветер
Всю тоску.

Каждым деревом
Поёт звенящий лес.
Райские цветочные поля.
Пчёлы трудятся,
Нектар с полей несут.
Совершенная,
Красивая
Земля.

Миг!
Упала в мягкую траву.
Небо беззаботно, высоко.
Солнце белое –
Мир тянется к нему.
И мне до беспамятства легко.

В КРАСНОМ ДОМЕ

Знаете, так много о Вас думаю...
Неосознанно мысли просчитаны.
В Красном доме – отчаянный импульс:
Добрый мальчик, как старец, с морщинами.

Сколько сказано и недосказано.
Вечер, ветер... вновь вера в хорошее:
Мальчик,
Простой, по смешному открытый,
Лучами из глаз опорошивал.

Смутилась:
- Вы знаете, это случайно,
Нашла Вас,
из всех своих странностей...

В сиянии мягкой улыбки
Заметил:
- Не бывает случайностей.

Простой, одинокий и дикий,
И чем-то похожий на Мастера,
Хранитель. В тот вечер всю боль
Из памяти стала стирать.

Прощались.
Лёд на крыльце.
Бегу по зернистому снегу,
Колючему.
Вечер поёт о мечте.
Я нашла себя в Красном доме.
Всё к лучшему.

ВЫСТАВКА

Я сегодня видела настоящих людей.
Там, на стенах,
Висели картины.
Кто-то писал пейзажи,
Смеялся жизни
И умер.

Мне до слёз
Захотелось
Сорвать с себя тело,
Тяжёлую душу.
Ведь как же так вышло,
Что мы несвободны,
И жить в этом душно?!

А кто-то писал пейзажи...
И домики с желтым дымом.
Игриво,
Красиво, с улыбкой.
И умер от счастья.

МУЗЫКА

Музыка льётся из дома —
Дома Вселенского:
Из Сердца,
Где Воля - веление мига,
Мига,
 восторга
 и детства.

Дышит биение жизни,
Пульс:
Зарождения, смерти...
Ритм
По спиралям вращения

Круг созидания чертит.

Радость, без дна,
Без причины,
Время и мысль
Растворяет.
Смысл
В свете звёздного роя –
Сила,
Сознание Рая.

Лёгкость,
Живое начало.
Ночь старый храм
Не спасёт.
В вечную
Музыку сердца
Я
 навсегда
 исчезаю!..
В настоящее Всё.

Александр ИВАНОВ

* * *

Метель заметает Россию,
Отправляет снежинки в полёт...
Ждёт страна,
 как и прежде,
 Мессию
И, закрывшись в домах, водку пьёт.
Заметает. Доколе, доколе
Нам спиваться по одному?
Ты согласишься, я буду хорошим:
И тюрьму я приму, и суму,
Если нужно...
Ведь нужно же, нужно
Делать что-то: страдать и искать...
В клетке дома,
 холодной, осторожной,
Как тюремная «шпонка» - кровать.
Здесь для каждого –
 гиблое место...
Этот город пропах анашой...
Но на всех нас - одна лишь невеста:
Образ светлый стоит за душой.

Поднимайся невеста - Россия!
Поднимайся на труд и на бой!
Пусть объявится новый Мессия
И с крестом поведёт за собой.

ФЕВРАЛЬ

Безвременье.
Острые стрелы заката
Пробили туман и застряли в ветвях.
Сегодняшний день.
Он уходит куда-то –
В февральских
давно затерялся полях.
И пасмурно.
Серые, низкие тучи
От края до края метут горизонт...
Но скоро весна.
И сосны на круче
Раскрыли над городом
латаный зонт.
Просели сугробы.
В них снег не мерцает –
Тяжелый и влажный,
он грустно лежит.
И ждёшь с нетерпением:
Он вскоре растает,
Весенним ручьём далеко побежит.

Алина НОВИКОВА

Матушка - зима

Замело снегом махонький домишко на краю деревеньки, спеленало его по самую крышу.

Потянулись длинные, заунывные вечера. Мороз по ночам крепчал, укрыв с головы до пят узорчатой ледяной шалью дубовую рощицу. Похрустывая ветвями, шумели вековые дубы – дедушки, уже не первую сотню лет воевавшие с неугомонными разбойниками матушки зимы – снежными буранами. Нравилось им осыпать серебряной пылью белевшие по-стариковски седины дубов и уноситься прочь, как провинившиеся дитяти, в неведомые дали, от грозивших вослед сухоньких пальцев ветвей... И наступала дремлющая тишина.

По продрогшим дорогам ...

Ключья серых туч неслись над лесом, гонимые северным ветром. Приближались крутые холода. Верхушки разлапистых елей, сверкая синеватой россыпью, упирались в небо.

Медленным шагом, изредка переходя в трусцу, лошади шли по тихому лесу, и в сумраке ночи, как призраки, становились почти невидимы. Обезумев от страха, испуганно мотали головами: с низины доносился вой голодной волчьей стаи. Коренник, нервно вздрогнув, пятился назад.

« Не зымай, шалава! А ну пошёл!» - возница стегнул жеребца по крутым бокам. Взбодрилась тройка лошадок, таща за собой лёгкую санную кибитку.

Кончился лес, и вдалеке замаячили освещенные оконца небольшой деревеньки. И вот уже сани вкатили на подворье. Лошадей распрягли, завели в тёплые стойла конюшни, подкинули в кормушки пахучего сена, и они, причмокивая влажными губами, смаковали пищу. Ямщик ступил в сени дома.

Задышала печь, потрескивал сухими дровишками. Запахло домашними щами и хлебным мякишем. Махнув по-молодецки чарку и вдоволь закусив, мужик шлёпнул себя по голому пузу, круглому как самовар и, скрипя половицами, вышел из дома и побрёл в конюшню. Виноватился и ласково трепал холку оробевшего в лесу коренника. «Сибирь – матушка, - шептал он в подрагивающее от горячего дыхания ушко любимой лошадёнке, - лишь пупок России. А нам, чтоб учуять русскую пятку, ехать, ехать на Камчатку...»

А на горизонте тем временем вновь забрезжил рассвет. Скоро снова в путь по продрогшим дорогам...

Анна КАДЕНЕЕВА

* * *

Что не сказано –
 обречено на смерть.
На уставших, в перчатках, ладонях
Снег, мечтая, не может сгореть...
Он лишь дымные струйки уронит.

Высь выходит в парящий полёт
И сжимает живых души в нитках.
По воде кто-то в белом пройдёт
И сыграет с детьми диском нимба.

По весне нас услышат ветра –
Птичий клик растворит все тревоги.
Значит – солнце. И вновь нам пора
Отыскать золотые дороги.

Ты не бойся мне всё объяснить.
Я глупа...
 но ведь в песенном доме
Надо свет для души сохранить,
Потому и ловлю снег в ладони.

МАГИ СТИХИЙ

Опрокинулась в мёд октября,
В красный звук
 незаконченной мессы

Мной проигранной боли принцессы
Кровью веток, гримасой куста,

Чуть застывшего в первом снегу...
Кто вставал, тот, наверно, пошёл
По тропе паломнической оды.
Что же, путник, ты в дом не зашёл
С моим гробом забытой природы?
Ты зашёл в свет икон.
Но а я не могу.
Что мне толку скользит по домам,
Домовых проверяя дилемму,
И мечтать пересечь реку Сену,
Коль в Москве только льют купола,
И под ними Россия блаженна?
Ты мне только скажи:
«В путь пора!»
Встань со мною у тихой божницы...
Красным звуком пронизаны лица –
Сколок дня, прожитого «вчера»...
Нас убили почти что мгновенно...
Мы теперь в птичьей стае у звёзд.
Ты погладишь
 мой шрам на запястье:
Ах, прости ты меня за напасти –

За клубок перепутанных грёз...
И людей не казни ... за несчастья.

* * *

Вокруг только стены...
Стоишь у стены
На точке отсчёта
 разрушенных окон,
И молишься бездне –
 на тёмное Око,
Забыв, кому веришь
сквозь боль и инстинкт.

Безмолвно и холодно.
Сердце о камень –
О кладку груди.
Безнадежные грёзы –
И Слово стекает
в кровавые слезы –
В органику тонкой игры,
в вечный пламень.

На ветре поют,
 изменяясь, надежды –
Обрывки досье для печального Бога.
Зачем?
Это больно. Мне надо немного:
Смотреть на Восток -
Остаться вне стен
и без всякой одежды.

Валерий КОВАЛЕНКО

ПРИНЯТЬ НЕИЗБЕЖНОЕ

Я заглядываю в лицо своему правнуку в третьем поколении.

Он не знает меня. Нас разделяют несколько веков, и меня уже давным-давно нет.

Ему около двадцати.

И хотя между нами нет ничего общего, что-то едва уловимое в его внешности или поведении «от меня» я, при желании, мог бы найти... Но так трудно будет доказать, что это передалось каким-то образом от меня. Да и кому это доказывать?

Мне немного смешно и грустно... У меня даже комок в горле от этих мыслей. Так получается: меня уже давно нет, а комок, вот, представьте, есть...

Ведь, нет, не только меня, но уже нет и моих любимых...

Но я не об этом...

Этого человека окружает совсем другой мир вещей и другие отношения между людьми. Хотя каждый в отдельности, как и тысячи лет до этого, ищет что-то, что сделает его жизнь более удобной, комфортной, полной, интересной, глубокой. При этом так же, как и многие до него ошибается, заблуждается, что-то открывает, радуется, потом опять путается и так всю жизнь.

Так получилось, и я здесь совершенно не в обиде, что место, где лежит мое тело, вернее то, что от него осталось, уже забыто. Хотя старая растрескавшаяся плита с моим именем ещё есть в том самом месте, где меня положили в землю, но никто уже не придёт сюда вспомнить или как-то пообщаться со мной. При желании, кстати, это можно сделать, не приходя на старое кладбище, потому что те, кто когда-то были живыми, сейчас везде, везде вокруг и поэтому достаточно вспомнить и немного поразмышлять о своих предках и, тем самым, общение хоть как-то произойдёт.

В этот момент мой далёкий потомок немного задумался. Мне почему-то показалось, что шлейф от моих собственных размышлений каким-то образом вмешался в поток и его мыслей. Если бы я мог что-то ему сказать...

Первым делом мне было бы просто забавно дать ему понять, что он имеет тело, а, скажем, я – нет.

Можно было бы поспорить, кому из нас лучше... Мне очень хочется верить, что у него есть чувство юмора, и между нами мог бы состояться очень интересный разговор за чашкой чая или ...за тем, что они там сейчас пьют... Потом я непременно стал бы спрашивать, каким образом в его мире перемещаются в пространстве люди? Ведь в своё время я был инженером, и меня очень интересовала авиация. И хоть я – уже давно только витающая в пространстве эмоция, и можно было бы сказать, что я более совершенен, но нет - многого по-прежнему не понимаю... Хотя тот опыт, который я приобрёл, и те события, что я пережил в своё время, по-своему интересны... и поделиться есть чем.

Но, что особенного я мог бы поведать этому ныне живущему человеку, связанному со мной генетической связью, но никак не связанному эмоционально? Ведь он меня совсем не знает...

Кстати, об этом, для начала, и можно было бы поговорить.

- Вот, смотри.... Скажем, через пятьсот лет, если ты не станешь кем-то выдающимся, о тебе никто уже не будет знать: будешь ли ты всемирно известным писателем или художником – всё равно.

К примеру, жил до меня гениальный писатель Бернард Шоу... но, по правде говоря, я его не очень хорошо знаю и могу наврать о нём... Он писал интересные вещи, очень был остроумным человеком, высоконравственным, ну, что говорить, человек – с большой буквы. Ещё раз говорю, может я что-то приврал, но, по крайней мере, его знали в моём мире...

Так вот. Читал ли ты книги, что он написал? Можешь ли восхититься глубиной его мыслей? Возможно его слова подтолкнут тебя или кого-то из твоих современников ещё к своим собственным открытиям... В результате ты станешь больше понимать окружающих, себя самого, других, взаимоотношения, мир, и как рождаются чувства, и много всего ещё...

Но ему не станет хорошо от этого, он уже неживой, ему всё равно - все открытия, которые ты совершишь, будут касаться только тебя самого, они важны, прежде всего, тебе.

Явных доказательств, что Бог есть, что душа бессмертна у нас нет. Мы, люди, всё это должны принимать на веру, и тогда Это заработает, заработает в пределах твоей жизни, В результате у тебя может появиться какая-то новая энергия, может быть, даже очень мощная, и уже ради этого нужно было бы придумать Веру, если бы её не нашли и не открыли до тебя.

Но я не о том: есть Бог или нет?

Я, лично, считал, без всяких внушений, что правильно жить в мире – в любви, и тогда этот мир будет гармоничным, наполненным милосердием, необыкновенной красотой. Да, при этом, будут рождаться и умирать люди, сменяться поколения – так устроен мир, что жизнь конечна, каждый должен принимать это... По началу, это, может быть, почти физически больно, но это ничего не меняет...

Я как-то давно лежал в больнице, мне делали операцию - удаляли наружную кисту... гм... как бы это сказать, внизу спины... Знаешь, я не мог её видеть, но там была такая штука, которая периодически воспалялась и беспокоила меня. Ты не поверишь, я терпел почти год, потом решил всё-таки сходить к хирургу в поликлинику, а он мне сказал, что надо удалить обязательно. Я лёг в больницу. Не буду рассказывать всех подробностей, но мне её удалили традиционным способом - не я первый, и не я последний с такой шишкой пришёл к ним.

Но! Ты понимаешь, я был там один, среди незнакомых людей: перед операцией и во время операции мне было страшно с разной степенью интенсивности.

Потом мне несколько дней кололи обезболивающие, но мне было больно почти непрерывно. То есть, чтобы я ни делал, мне в месте разреза было не сильно, но всё-таки больно, а, ведь, я даже не мог видеть это место, и что там происходит. В результате я не мог спать почти – не знал, куда деваться от этой боли, слонялся, как приведение по больничным коридорам и, временами, приткнувшись где-нибудь к стене, стоял... И думал: «Вот за этими стенами кто-то сейчас спокойно спит или развлекается, и даже не догадывается, как здесь я мучаюсь. Я уж не говорю «про некоторых», кому сделали полостную операцию. Им-то вообще намного хуже, чем мне ...»

Не могу объяснить, но я испытывал необыкновенное чувство одиночества. Когда тебе больно, но никто-никто не может тебе помочь, хотя все делают всё возможное. Сестра делала мне уколы. Жена и дочь приходили меня навестить, терпели мои капризы, понимая, что мне плохо. Меня также навещали друзья с работы, рассказывали всякую ерунду и посмеивались над нелепым халатом, который я получил от сестры-хозяйки и вынужден был носить его. Мы говорили о том, о сём, но они не знали, что мне больно...

Так вот, о чём я хочу сказать? Если взглянуть в самый корень, то мы все обречены на своего рода одиночество, даже, если тебя постоянно окружают веселые оживлённые люди - просто тогда мы отвлекаемся от этого чувства.

Если всё у тебя хорошо до поры, то ты можешь спокойно тратить дни своей жизни на что угодно, чаще всего тебе не будет плохо.

Сейчас у тебя, наверное, много возможностей, чтобы отвлечься, развлечься и тому подобное - так многие живут. Но, если тебе больно, физически или душевно, и никто не может ничего поделать, то только ты можешь принимать и решать, как жить с этой болью, что с ней делать, куда или во что её преобразовать, что она, вообще, такое - в этом и есть одиночество.

Ещё раз про Б.Шоу - он жил, как мог, многих он радовал, тем, что делал, и продолжает многих, наверное, радовать и сейчас. Но только он один знал, о своём одиночестве и боли, и он унёс это с собой и так же, как каждый из нас уносит с собой, все свои чувства.

Не ищи смысла в том, чтобы «сохранить что-то для потомков» - они неизбежно забудут тебя, потому что не будут знать тебя лично. Конечно, можно найти свой способ, чтобы сохранять имена предков и чтить их, но это будет иметь смысл только для живых - для них это важно - знать, кто жил до них, но через четыре-пять поколений от тебя останутся только обрывки воспоминаний.

Ещё хочу сказать, что в наших детях, внуках, правнуках и так далее, кроме генов, опосредовано живы какие-то и наши эмоции, мысли, рождённые или переданные, и, как ни странно, вот именно это останется от тебя. Твои праправнуки уже не будут, наверное, знать о тебе лично, не будут знать, где лежит уже превратившееся в землю, твоё тело, но в них будут жить эмоции, мысли или идеи, а если повезёт и улыбка, которые возможно им передал ты, тоже через кого-то.

Мы не можем на это повлиять, ведь это неизбежность, поэтому горевать об этой ситуации не стоит.

Мне кажется надо искать самому в этой своей, нынешней жизни что-то, что приносило бы тебе и твоим близким радость, чтобы твои дети сумели передать эту радость следующим поколениям, а боль... Боль у них будет – своя собственная, которую они будут нести уже сами.

Наверное, наличие веры может помочь преодолеть страдание: когда у тебя есть очень глубокое понимание почему это происходит, и если у тебя получается разобраться в этом, то ты сможешь одержать победу здесь.

И ещё ты должен суметь принять своё одиночество.

Так что же я могу сказать тебе, что тебе посоветовать, чтобы это заполнило твою, мой мальчик, жизнь радостью? Что я могу тебе поведать, чтобы большинство времени твоей жизни у тебя внутри было светло, и не было места тягостным раздумьям...

Я пытаюсь думать об этом, но мне по-прежнему также трудно, как это было и в то время, когда я жил.

Эх... как жаль, что я не очень умный.

Видимо тебе придётся всё искать самому... Только не живи, просто существуя и ограничивая себя лишь физиологическими удовольствиями, всегда ищи что-то в своей жизни, чему бы радовалось твоё сердце. Думаю, что, вообще, стоит делать лишь то, что приносит тебе и твоим близким радость и не разрушает тебя и окружающее.

А ещё придумай, как принять то неизбежное, о чём я говорил в начале.

* * *

Мне немного грустно от этих мыслей.

Уже нет меня, уже нет моих любимых...

И мне радостно, что я всё-таки был, мог любить и, надеюсь, кем-то был любим.

PS. Я буду тебе очень благодарен, если ты со мной согласишься, и...

Я буду очень благодарен, если ты со мной не согласишься.

Ольга МЕЩЕРЯКОВА

* * *

С крыши –
зажжённые спички,
чем не звездопад?
Вместо имени –
смешные клички –
современный взгляд.
В мутной,
пустой бутылке –
роз букет.
В сердца
стоптанном обмылке –
Бога нет.

На картине Левитана –
Бурые мазки,
Смотрят с серого экрана
Лиц куски.
Под кроватью –
рванный мячик,
из цветных полос.
В синем небе
горько плачет
Иисус Христос.

* * *

Я оседлаю время,
Я завоюю воздух,
Упавшие звёзды клею
Верну я в свои борозды.

Что было вначале – вспомню,
Что есть и что будет – знаю,
Из мрачной каменоломни
В свободную вырвусь стаю.

Шагая по зыбкой тверди,
В ладонях сдержу я воду...
Бесшумный, пушистый зверь –
Дым
Тянется к звёздному своду.

Расплывчатый, мутный шар,
Застыв, медальоном светит...
И небо, всей грудью дыша,
Окно моё заприметит...

Я выйду под звон цикад,
Вдохнув аромат шалфея...

Но это потом, а пока –
Мне звёзды нужно доклеить.

* * *

Нервно курит январь,
С сигареты бросая пепел.
Зимний ветер – весёлый бунтарь,
Лёгкий пепел на ветки крепит.
Темнота. Дым опутал высь.
Где сорока плела каламбуры,

Притаилась луна, как рысь...
А январь, задыхаясь, курит.
Время крошит сухой ломоть
И бросает минутам-птицам.
Ни унять его, ни побороть...
Так же быстро мелькают лица.
Так же курит январь седой,
Так же пепел на землю кидает...
Только этот январь – другой,
А по счёту – никто не знает.

Настя ПОЛЯЕВА

Почему светят звёзды

рассказ

Я вспоминаю эту историю, как чудный сон. Как чудный, сказочный, до крайности печальный, но вместе с тем и радостный сон, который мог присниться в одну из тех зимних морозных ночей, когда мне приходилось рано ложиться спать, потому что хрустальные узоры на окнах заслоняли звёзды. Какой от них толк, от этих узоров, если нельзя сквозь них увидеть ночное небо?

Эта история приключилась со мной несколько лет назад. Тогда я был ещё молод, горяч и весел, я смело смотрел вперёд, спешил говорить, спешил слушать, хотел узнать всё обо всём и любил, мне казалось, весь мир. Я часто бродил по лесным дорогам и городским тротуарам, с одинаковой жадностью слушал пение птиц и рёв машин, улыбался каждому новому дню и каждому прохожему на улице. Тогда все они казались мне прекрасными, добрыми, мудрыми людьми.

Но шло время, я увидел жестокость и злость и столкнулся с непониманием и обидой: они, будто кисти, измазанные чёрной гуашью, раскрашивали мой светлый мир. Я противился этому, я сражался, как мог, я противился понимать этих беспощадных людей. Но наши силы оказались неравными, и вскоре я сам превратился в подобного им, и в моих руках также появилась чёрная кисть.

Я носил эту кисть в своих руках вместо луговых цветов, я боялся взглянуть на небо, будто бы взглядом мог очернить его синий цвет. Я стал смотреть себе под ноги и видеть следы шедших впереди меня людей, дождевую воду и талый снег, грязь и трещины асфальта. Я забыл рассветную красоту, когда солнечные лучи сияют сотнями красок, я забыл, как они освещали моё лицо, я забыл их тепло, я забыл их, я забыл себя.

Вечерами я ещё выходил из дома и шёл без направления и цели, волоча за собою чёрную кисть, которая стала невероятно тяжёлой. Осенний ветер забирался под воротник, он гнал меня вперёд, я блуждал без усталости несколько часов, а затем возвращался домой.

Однажды в один из таких дней я вышел на широкую дорогу, которая не раз попадалась мне на глаза. По обочинам её росли молодые рябины, с побледневшими от инея ягодами, и осины, шумно размахивавшие своими ветвями. Я сделал несколько шагов и оглянулся – вокруг не было ни души.

Никак не припомню, сколько я шёл, но когда опомнился, было уже темно. Я промочил ноги, мой шарф размотался и теперь неуклюже свисал с левого плеча. Вдруг я увидел впереди невысокую фигуру, которая уверенно двигалась ко мне маленькими шагами. Я очень смутился и поспешил спрятать кисть в карман потрёпанного пальто.

- Краски не упрячешь. Она только запачкает Вашу одежду, – произнесла фигура.

Я смутился ещё больше, но кисть вынул, однако тут же заложил руки за спину и с ещё большим усердием принялся разглядывать свои ботинки. Впрочем, в скором времени любопытство взяло надо мною верх, и я поднял глаза на свою собеседницу.

Маленькая девочка, укутанная в серую шаль, стояла неподвижно, выдыхая ровные облачка белого пара, и смотрела на меня своими огромными голубыми глазами. В детских глазах не увидишь зла. Они чисты и сияют волшебным светом. Я испугался, что смогу испачкать девочку черной краской, поэтому сделал несколько шагов назад. Я даже хотел убежать, сбежать, как сбегают трусливые рыцари, славные лишь блеском своих доспехов.

- Я смотрю на звёзды.

Я остановился.

- Я смотрю на звёзды, – повторила девочка.

Казалось, она совсем не боялась меня.

- Почему светят звёзды? – спросила она у меня.

Я проглотил порцию холодного воздуха.

- Звёзды – это огромные шары из раскалённых газов... - начал я, но вдруг замолчал и продолжать не решился.

- На звёздах – больших и маленьких звёздах, так же, как и на Земле, обитают живые существа, - задумчиво продолжила она.

Казалось бы, её слова не соответствовали здравому смыслу, но она произносила их с завидной уверенностью, так, что мне ничего не оставалось, как внимательно слушать её.

– Они похожи на людей – они рождаются и умирают, дышат, улыбаются.... Но лишь одно отличает их от нас – красота их души. Однажды они отказались от зла, они нашли в себе силы изгнать его из своего сердца. Они преодолели обиды, они приложили все силы к тому, чтобы жить, они стремились к Жизни. Каждое утро они благодарили солнечный свет и свежий ветер, они благодарили каждого близкого им за то, что он здесь, что он рядом, и говорили друг другу слова любви. Они были честны перед собой и перед целым миром и верили в красоту души, в её способность подняться над слабостью и пошлостью. И вот тогда, сердце каждого из них засияло волшебным светом добра и красоты, засияло так ярко, что свет их достиг и других звёзд и других планет, возвещая об истинном чуде, случившемся с ними. Вот почему светят звёзды, – закончила она.

Я вспоминаю эту историю, как чудный сон. Как чудный, сказочный, до крайности печальный, но вместе с тем и радостный сон... Теперь, если случается мне увидеть ночное небо, я долго смотрю на звёздный свет. Я даже перестал прикрывать занавесками окно, чтобы впустить этот свет в свою комнату. Он стал для меня дорогим гостем. Я потерял свою чёрную кисть.

Татьяна ПУЗАНОВА

КАРТОЧНЫЙ ДОМ

Тебя поломали однажды,
Как маленький карточный дом.
И ты опечален бумажно:
Не рано ли душу на слом?
Ни ветер, ни солнце, ни море,
Ни тот, кто тебя иссушил,
Привычное лихо и горе -
Неверье в простое « дыши».

По свету ты бродишь без цели,
Влекомый к чужим берегам,
Но карты твои не истлели,
Обуглились лишь по краям.
Ты вновь горевать о них можешь:
«Как жаль мне разрушенных стен,
И даже шалашик не сложишь
Высокому дому взамен».
Зачем вспоминать о потерях,
Зачем усложнять себе жизнь?
Зачем в нехорошее верить,
Ты лучше об этом скажи!
Скажи, а затем не помедли
Навстречу помчаться мечте.
Где новые будут потери,
Ошибки и встречи... не те.

РОДНЫМ

Очень надоело! По какому праву
Вычитать из моей жизни правду?
Можно, вам самим хотелось также,
Чтоб все пережевывали дважды?
Чтобы все вот так на перевале
Шагу прочь ступить бы не давали?
Мне, по крайней мере, много чести
Представлять себя на вашем месте.

Вы решили - это верно, ровно.
Вы сказали – то беспрекословно.
Сколько раз вы в жизни ошибались,
Падая, о камни расшибались?
Почему другие, кто вас младше,
Должен доверять
 всем мыслям вашим?

* * *

Не смешите меня,
Не пугайте меня,

Не кричите – ведь я не девчонка!
Не дразните меня, не любите меня,
Не зовите – уже слишком поздно!

Я прошла долгий путь,
Я сама – за себя,
И своя в моём сердце иконка.
Если б раньше меня
Вы позвали любя,
Но, увы - я уже не девчонка!

Скоро Госы, Диплом,
Скоро выйду из стен,
Очень жаль – я теперь не девчонка...
Поступила с трудом, а учиться мне лень,
Пожалейте, хоть я не девчонка.

ХОЛОД

Ночная мгла как день бела –
Наверно, это облака.
Я не спала – холодный лёд
Меня студил за стёклами.
И с упоением ревёт
Последний лист на тополе.

* * *

Плачь, моя девочка,
Плачь, моя веточка,
Плачь, будет легче ведь...
Слёзы распустятся.
Плачь, моя белочка,
Ангелы спустятся,
Слёзы распустятся -
По щечкам нежным твоим –
Как подснежники.

Плачь, моя крошечка,
Плачь в одиночестве.
Плачь, ты ведь сильная,
Вновь не оступишься.
Люди ведь добрые,
Много по миру их,
Только не собраны,
А поищи-ка их.

Золотко, рыбонька,
Все тебе дороги,
Только ты слезы напрасно
Не лей.

Сколько их – поводов,
Глупых, бессмысленных,
Злобных, бесчинственных...
Сколько добра!

СЕРДЕЧНАЯ ТЕТРАДЬ

Однажды в доме тёти,
На полочке для книг,
Я в сером переплёте
Нашла тетрадь-дневник.
На первой же странице
Написано: «Стихи»,
И следом вереницей
Записаны они.
Писала их девчонка,
Влюбившись в пацана.
И ясно, что влюблённая
Была огорчена.
Она его любила
Без памяти... до слёз.
Но всё же находила,
Что слишком парень прост.
И девочка страдала,
Любовь в себе тая...
Как жаль, Орлова Галя,
Не любит он тебя.
Однако не напрасно
Тетрадь ты завела.
Мы не такие разные,
Чтоб я не поняла.
Теперь и я страдаю —
Я с Моим разлучена.
Твоя беда иная —
Он рядом у окна.
И всё-таки похожи —
И в глубине стола
Я со стихами тоже
Тетрадку завела.

Мария ТЕРЁХИНА

* * *

Эх, тётушка в сером плаще...
Зачем так относишься гневно
К тому, кто бунтует в душе,
Кто хочет любви незабвенной.
Прижаться он хочет к теплу.
Смотрите – на улице осень:
У вас разрешенья не спросит,
Ведь холодно очень ему.

Эх, тётушка в серой пылице...
Наверное, что-то случилось —
Срываешься снова в не милость,

И серость и гнев на лице.
Не злись, не сердись, не бранись! -
Он Вас за квартал обойдёт.
На то и дарована жизнь,
Чтоб было поменьше невзгод.

Эх, тётушка...
в сером плаще.

* * *

Мужское тело, как металл,
Из печки, словно сталь в накале.
Мужское дело – капитал,
Всегда работа в идеале.

И, вдруг, как дикий мотылёк,
Летишь к нему, как будто к свету.
Он твой прекрасный огонёк,
Который виден до рассвета.

Который излелеет в ночь,
Который о любви прошепчет,
Который грусть прогонит прочь,
И на душе уж сразу легче.

И ты, как будто в облаках,
Средь простыней и покрывала.
В его глазах, в его руках...
Мужского тела из металла.

* * *

*Кафе «Подвал бродячей собаки».
Место, где собирались поэты
Серебряного века.*

Бродячей собаки подвал.
Тусклый свет.
Стоят на столах

опалённые свечи.
На маленькой сцене
чудной человек
Слагает в стихи
свои ладные речи.
Бродячей собаки
не скверный подвал
Где каждый поэт
в своей жизни бывал.
Кирпич цвета крови,
буженина, вино...
И вжатое в землю
пустое окно.
И дымоход...
Его запах навечно
Останется частью
души человеческой.

ЖИЗНЬ

На фоне розовой зари,
Я выхожу к тебе из дома.
Ещё нет зноя и жары,
И солнце красочно в полтона.
По телу свежий ветерок
Скользнёт прохладным ощущеньем.
Я вздрогну, как немой листок,
В очаровании волненья.
И, стоя, на крыльце, босой,
Вкушаю музыку рассвета.
Звон колокольчиков с росой...
И петухи запели где-то.

Журчит бегущая река –
У нас она за поворотом.
И в ожидании слегка
Скрипят калитка и ворота.
И ты уходишь в небеса
По гужевой дороге мимо.
И разберут на голоса
Тебя свирели для мотива...

На фоне розовой зари,
Я выхожу к тебе из дома.
Пока ни зноя, ни жары.
И солнце красочно в полтона.

Тимур СУРХАЕВ

ИСПОВЕДЬ КИНЖАЛА

Держа в руках
 подарочный кинжал,
Я вдруг услышал
 острый голос стали:
«Я жизни никому не обрывал,
Но есть другие,
 те, кто обрывали.

Их лезвия и толще и острее,
И руки, их сжимающие, крепче.
И видели они нутро людей,
И в души их
 вонзались сквозь одежды.

А я лежу в коробке, в тишине,
Лишь изредка для вас
 служу забавой.
Но я ведь тоже создан
 для расправы!» -
Он повернулся лезвием ко мне...

Вдруг я очнулся.
Лезвие молчало.
Я рукоять своей рукой сжимал.
На место положил я
 тот кинжал,
Чтоб лезвие мой взгляд
 не отражало.

ПОЛНОЛУНИЕ

Свет холодный струится незримо.
Белым шаром повисла луна.
Вьюга воеет. Прошла половина
Ночи всей, только нам не до сна.
Эту ночь мы встречаем в дороге –
Полнолуние, морок и тьма.
Просыпаются люди в тревоге,
Закрывают покрепче дома.
Опасаясь проказ силы тёмной,
Не хотят, но берутся за крест.
И не выйдут из спальни укромной,
Пока солнце не глянет с небес.

О, дорога! И разве опишешь –
Чёрным враном
 глядит каждый куст.
За спиною чуть шорох услышишь,
И молитва уж рвётся из уст.

Александра ФОКЕЕВА

РУЧЕЁК

Я как ручей –
Ищу я выход...
И по равнинам потеку,
Я как ручей,
Почти я высох...
Но я ищу свою реку.
Она помреж
В моём спектакле,
И ей сюжетик славный дан:
Одной
Единственной каплей
Я буду брошен в океан.
И, выходя
Из тёмных комнат,
Поэт – ваятель дивных строк –
Вдруг неожиданно
Припомнит
Тот храбрый, малый ручеёк.

ВЗГЛЯД

Я вижу печаль твою –
И это в губах твоих.
Я вижу огонь в душе –
И это в глазах твоих.
Я вижу себя в тоске –
И это в руках твоих.
Но что же поделать мне,
Роняя прощальный стих?

Ты можешь догнать меня
И встать, замерев, у плеча.
Ты можешь обнять любя,
Тебе не отвечу я...

Я просто пойду, как снег
Холодной зимой в толпе...
А лето моё ушло
В тоскливом дожде к тебе...

2012 год

Светлана ТОКАРЕВА

Восемь белых свечей
В спальне тускло горели,
Восемь черных ночей
В мир другой улетели.
Игры странных теней
Как забытые грани,
Крики раненых душ,
Как звезда угасали.

Игры были без правил,
Свечи были без воска,
А забытые ночи
Крики душ забирали.

Ангел – хранитель!
Хранитель мой, Ангел,
Постой за плечами,
Спаси меня, Ангел.
В спасеньи живых
Не дай мне погибнуть
Под солнца лучами.
Укрой крылом белым
От туч грозowych.

И жизнь моя будет
В твоих руках, Ангел,
Во снах моих, Ангел,
Ты снова гостил.
Я буду молиться
Всю ночь пред иконой,
Чтоб Ангел-хранитель
Меня защитил.

Ложится снег на провода.
Твой самолет в 17.40.
Пусть расстаемся навсегда,
Не забывай, как был мне дорог.
Багаж давно уже в такси,
Не стоит долго нам прощаться.
Писать не надо, не проси,
Не будем больше мы общаться.

Мелькают фонари в окне,
Аллея, люди, остановки...
Лишь сожаление во мне –

Его движения неловки.
Аэропорт, ну вот и все,
Быть может, новая дорога
Свой корректив в судьбу внесет,
Вот только на душе тревога.

Ложиться снег на провода,
И снова скользкая дорога...
Пообещай, что никогда
Мы не расстанемся надолго.

Анна ГРЕКОВА

Утром ранним
По жгучей росе босиком,
Ничего не сказав,
Просто молча идти.
Ни о чем не жалеть
И не думать о том,
Что со временем
Чувства угаснуть в пути.

Пусть угаснут потом,
Но сейчас они есть,
И от этого нам
Не уйти никуда...
Просто можно пройтись
По росе босиком,
Что утро запомнило
Нас навсегда.

Ты обычный, такой, как и все,
Да и далеко не красавица.
Но я стала летать, как во сне
И мне это безумно нравится.
Я взлетаю под облака
Окрыленная нежным взглядом.
Ты обычный, такой, как и все,
Но другого мне вовсе не надо.

Повелитель влюбленных сердец
Жил на свете когда-то давно,
Чтобы мир наш узнал, наконец,
Что любить нам, от Бога дано.

Тихий звук разольется во сне.
Что к чему, не понять до конца.
Словно кто-то далекий извне
Своего посылает гонца.

Стрелы острые в лук зарядив,
Выбирает свою он мишень
И дыханье, на миг затаив,
Попадает немедленно в цель.

И как тень, исчезает во мгле,
Лишь улыбкой коснулся лица.
Кто же этот посланец извне,
Что заставил так биться сердца?

Юлия ГОЛОВИНА

Меня душа берет за руку
И тихо просит: «Защити!»
Мои стихи пока по звуку
Лишь слабый стон моей души.
И оседая в звездной пыли
Бредут в космической глуши...
Мои стихи правдивей были,
Когда писались от души.

В моей душе
Так много крика...
И в сердце – боль,
И в голове – бардак!
И шла по жизни я
От стыка и до стыка,
И в доме было все не так.
Но вот от ветра распахнулись окна
И дверь
Освободилась от замков.
И на пороге от дождя
Вдруг стало мокро;
От непогоды
Изменился кров.
А я пыталась
Привести в порядок
Все то, чему места
Давно определены.
Но на полу
Песочный рос осадок,
И падали обои со стены.
Порывы ветра
Разметали мебель,
И пыль ковром
Покрыла все вокруг.
И я стояла посреди, как стебелек,
Зажатая
В смертельный полукруг.
Я наблюдала хаос
Беспорядка,
Молчала в наступившей тишине...
А в это время тихо
И украдкой
Твоя душа
Пробралась
В дом ко мне.
И боли в сердце
Словно не бывало...
Мой дом вернулся
Вновь меня любя.
И так тепло мне вдруг
От ветра стало,
Когда я поняла –
Впустила в дом тебя!

Юлия ВОЛКОВА

Чуть колыхнется льняная занавеска,
Настежь вновь распахнуто окно.

Месяц в небе, будто в новой фреске.
В нашем доме спят уже давно.
Лунный свет струится на кровати,
Рыжий кот на лавочке уснул.
- Спят мои любимые внучатки! –
Шепчет бабушка,
Сев рядышком на стул.
Вновь поправит Юлечке подушку,
Насте одеяльце подоткнет,
А Максимке, младшему, игрушку
Мягкую на завтра припасет.

Тихо встанет, опершись на спинку,
И от стула подойдет к окну.
На лице ее уже морщинки,
Прячет под платочком седину.
Смотрит вдаль лучистыми глазами.
Дума снова та же, что всегда:
«Были бы здоровы детки сами,
Да не забывали б никогда!»

Милая, родная, дорогая,
Бабушка любимая моя!
В мире нет на свете лучше, знаю!
Хоть и нелегка судьба твоя.
Все стараюсь сделать для тебя я,
Хоть и огорчаю иногда.
Я хочу, молю, прошу, желаю,
Чтобы ты была всегда,
Всегда,
Всегда!

Екатерина САПОЖНИКОВА

Забуду горечь и обиду,
Забуду краски сентября,
Забуду все, что раньше было,

Забуду, как звала тебя.

Я не хочу, но мне придется,
Расстаться с тем, что берегу,
И от того душа скребется,
И ночью спать я не могу.

Я иду по дороге,
И мне дождик в лицо.
Сильный ветер поднялся,
И в душе так темно.
Жизнь моя как осколки,
Соберешь или нет,
Я иду по дороге,
И мне нужен ответ!

Сидит на лавочке художник,
Рисует в золоте листву.
Сидит поэт, пером выводит
Любовь осеннюю свою.

Гуляет пара. Дождит льет.
Но им он вовсе не помеха.
Любовь и осень – вот она,
Любви та формула успеха.

Родная Россия, любимая мною!
Ты – вольная птица с ранимой душою,
Ты – друг и советчик...
Беда нипочем.
Ты – самый любимый
И теплый мой дом.
Заботой и лаской ты нас одарила,
Любимая мною, родная Россия!

Анастасия МАЙОРОВА

По воле судеб...

Перед тобой закрылась дверь,
И пусто, одиноко стало
Куда идти тебе теперь? –
Одной двери для жизни мало!
И, кажется, что надо ждать,
Но «кто-то» ведь помочь желает.

Он тихо за руку возьмёт
С тобою рядом зашагает...
И звёзды падают с небес,
И ночь тихонько отступает,
И бесконечный мир чудес
Свои просторы открывает...

В том мире правят две сестры,
Они все двери открывают
И в сердце жаркие костры
Из уголёчка разжигают...
В нём старшая сестра — Любовь
Душе в награду свет оставит
И, взяв твою земную кровь,
В саду цветок она посадит...

Пусть в твоих венах пустота,
Но «младшая» вас не забудет:
Сестра - малышка Доброта
Кровь обновит по воле судеб...

2013 год

Литературные ступени Автограда

14 апреля 2013 года в литературной гостиной библиотеки Автограда состоялось подведение итогов и награждение победителей молодёжного творческого конкурса «Литературные ступени Автограда». Участники конкурса представляли две группы возрастных категорий от 10 до 15 лет и 16 лет до 25. Конкурс был организован нашим писательским отделением при содействии департамента культуры города, в жюри вошли писатели Александр Воронцов, Константин Рассадин и Юлия Шевцова.

«Мы – молодые» постоянный подраздел альманаха «Стрежень» публикует литературные работы победителей этого конкурса.

Анна Пасынкова

Награждена дипломом 1 степени

* * *

Догорают огоньки
На реке,
Замелькали светлячки
Вдалеке.
Посидим с тобой вдвоём,
Не дыша.
Песню тихую споём
Камыша.
От чего так хорошо
Стало вдруг?
От того, что ты мой друг,
Я твой друг
Воздух ласковый, прохладный
Речной,
Хорошо, что я сегодня
С тобой.
Загорается рассвет,
Как янтарь,
Через сотни тысяч лет
Смотрим вдаль.
Не хотелось новый день
Начинать,
Надо с другом посидеть,
Помолчать.

* * *

Мой серый друг, забавный друг,
Тебя люблю я очень,
Ты братец двух весёлых выюг,
Что бушевали ночью.
Люблю я твой пушистый хвост,

Твои усы и лапы.
Уж, верно, ты не так и прост,
Раз покори́л ты папу.
И пусть немного ты ленив,
Но друг ты мой хороший.
Бесспорно, мил и так красив,
Мой славный кот Серёжа.
Ты зелень добрых, умных глаз,
Из-под бровей покажешь,
Сергей, ты знаешь всё про нас,
Да никому не скажешь.

* * *

Пиши мне, друг, пиши письмо,
Пусть будет в нём три строчки.
Я буду знать: тебе везло,
А может быть, не очень.
Я буду знать, что ты здоров,
Что ты живёшь спокойно.
Мне хватит трёх обычных слов,
И буду я довольна.
Листок ладошкою накрыт,
Шуршит, как пальцем тронешь.
Ты будешь знать: ты не забыт,
Я буду знать: ты помнишь.

* * *

Тропинка змейкою вилась,
Бежала к морю с гор.
По тропке женщина плелась,
А ей навстречу гном,
С людьми он встречи не желал,
Шёл, не жалея ног.
Он в жизни Истину искал,
Но всё найти не мог,
Решил у женщины спросить,
Что в жизни ей важней?
Она-то знает... Может быть,
Она его мудрей?
Она ответила: «Семья!
И сын, и крошка-дочка:
Нельзя прожить лишь для себя
На свете одиночкой».

Гном не нашёл, чего искал,
Рассеялся, как дым...
Ведь счастья он людей не знал
И жил совсем один.

Когда б поэт перо не взял
И стих не сочинил,
Никто бы так и не узнал,
Что он однажды жил.

ЖАЛОБА СОВЕНКА

Я должен спать, только мне не спится,
Я - сын совы, полуночной птицы.
Был лес мой зелен, спокоен, тих,
Мой лес не видел следов ничьих.
Был рад гостям и не ждал врагов -
Хранитель светлых и ясных снов.
Стал лес угрюм, недоволен, строг,
Мой лес покрыл ненасытный смог.
Лишь звук пилы, топора лишь стук,
А я-то думал: «Человек – наш друг!»

Так жутко воют и волк и лис,
Моя сосна полетела вниз...

* * *

Мы младшему брату
со средним братишкой
В четыре руки надеваем штанишки.
В четыре руки и в кровать кладём,
В два голоса детскую песню поём.
И пусть появился у нас он недавно,
Но в нашей семье, он, бесспорно, стал главным.
И участь, наверно, его, неизбежна,
Он будет ужасно, ужасно изнежен!
И это неправильно и рановато.
Но хочется очень побаловать брата.

* * *

Сверкали звёзды в небе тёмном,
Так одиноко далеки!
Снежинки в хороводе ровном -
Они прекрасны и легки.
Одна из них мне на ладошку
В случайном танце упадёт,
Дам отдохнуть я ей немножко,
Она ведь всё равно уйдёт...
А кот мой стал ловить снежинки,
Хоть разделяло их стекло...
Порою от холодной льдинки
Душе становится тепло.

Татьяна ПУЗАНОВА

Награждена дипломом 2 степени

* * *

Джинсовое прошлое души,
Синее сиянье небосклона.
Хочешь – просто воздухом дыши
И гляди на звёзды отрешённо.

К животу колени подтянув,
И всю ночь сидеть на узкой лавке,
До рассвета так и не заснув,
Наблюдать цветочные канавки,

Где ночные лилии цветут,
Что с утра цыплята, утки ели,
И откуда тянутся, растут
Нити длинные
с цветками повители.

Звёзды нынче, кажется, не те...
Каждая по-новому мигает...
И коров мычанье в тишине
Нас совсем, как раньше, не пугает.

И уже до третьих петухов,
Даже до вторых – не досидимся.
Маме не доставим мы тревог
И на первых петухах уже сдадимся.

* * *

Ты вешаешь на шторы вечер
На нити серебра к шнурку.
Потом берёшь звезду из Вечности
И прикрепляешь к потолку.

Из листьев осени стремянка -
Встаёшь на шаткую ступень,
И как инопланетянка
Ты осветляешь в небе тень.

В ДЕРЕВНЮ...

В железные цепи сковал тебя город,
Асфальтом тебя,
как в тисках, он сдавил!
Хоть волком ты вой,
хоть ори во всё горло -
Твой голос сольётся

с десятком других.
Никто не услышит.
Никто не признает.
У всех своя пропасть
проблем и причин...
А город опять
чёрным смогом затянет
И мрачным безмолвием
мёртвых витрин.
Но вот ты тогда вдруг
в деревню уедешь.
Зачем и куда? – не поймёшь и сама.
Но встретят тебя там
друзья и соседи,
И кажется, что ты совсем не одна...

* * *

Распрямляй спину
В изгибах своей струны.
Измеряй длины
Маршрутами грустной страны.
Береги пальцы
Висками горячих рук.
Не смотри зайцем
На тихий дорожный стук.
Уходи ветром
Зелёного берега вдаль.
Помоги детству
Мечтою постарше стать.
Опусти очи
В ресницах из голубей.
Уходи...
Впрочем,
Оставь приоткрытой дверь.

Елизавета КОНСТАНТИНОВА

Награждена дипломом 3 степени

Ангел, полюбивший мир

Ты зажёгся факелом горячим,
В первый раз так сильно полюбив.
Кто сказал, что ангелы не плачут?
Плачут, если мир несправедлив.

И дождём их слёзы с неба льются
На витрины, крыши и мосты.
Люди любят дождь, они смеются,
А грустишь об этом только ты.

От себя вовек не отречёшься.
Чем тебя, небесного, привлёк
Этот мир? О нём ты так печёшься,
Только он безумен и жесток.

Огонёк в груди твоей пылает,
Он надежды трепетный порыв.
Не печалься, ангел, так бывает,
Если мир к тебе несправедлив.

И хоть люди сделались жестоки,
Но средь них добро ещё живёт.
И, как ты, угрюмо одиноки,
Кто его под сердцем бережёт.

Перед боем

А завтра на рассвете грянет бой,
Побудь со мной, мой ангел,
перед битвой.
И, может быть,
последнею молитвой
Останусь жив, помилован судьбой.
Сегодня ночью глаз
мне не сомкнуть,
Я буду наблюдать за небосводом —
Он правит всем:
закатом и восходом,
И, может быть,
моей судьбы в нём суть.

Пусть же сверху наблюдает тот,
Кто разбросал по небу эти звёзды...
Как будто птиц загадочные гнёзда,
И каждое по-своему поёт.
Он вправе всё, что есть у нас, отнять —

Он создал всё прекрасное на свете:
И летний дождик,
и осенний ветер...
Но разве может солнце не вставать?

И разве могут звёзды не сиять,
И проплывать таинственно
над нами?
И облака, гонимые ветрами,
Грозой не пахнут —
в этом благодать!

Пусть будет тихо
в предрассветный час,
Как полагается:
затишье перед бурей,
И я глаза свои, уставшие, зажмурю,
Чтоб помолиться вновь,
в последний раз.

Предвестий мне на ухо не шепчи:
Пусть всё решится завтра
на восходе!
А коль умру,
так пусть меня проводят
Дневного солнца тёплые лучи...

За утрнным чаем
 спокойной улыбкой
Я встречу начало осеннего дня.
Ведь раньше казалась
 огромной ошибкой
Мне жизнь.
Это так угнетало меня.

Но это неправда.
Теперь понимаю,
Что счастье
в обычных по сути вещах.
Я их узнаю и печаль принимаю,
Опавшие листья искрят на плечах.

И с каждым рассветом
я вновь открываю
Себе этот мир, неизвестный пускай,
Но он был воздвигнут
создателем рая,
А значит, прекрасен не меньше,
чем рай!

Пора вдохновенная

Наступила пора вдохновенная
Для моей одичалой души!

Ты проснулася, Дева-Вселенная?
Только вновь засыпать не спеши!

Подари мне улыбку беспечную
В благодарность за радость мою!
Я люблю эту жизнь быстротечную,
И тебя я отныне люблю!

И с природой за милой беседою
Расскажу я о счастье своём:
«Я сегодня добро проповедую
И делюсь драгоценным добром!»

Было грустным,
 безумно-томительным
Ожиданье счастливого дня.
Этот день
 приближался стремительно:
Он теперь не покинет меня...

Не страшны мне любые ненастья
(Этот мир, он отнюдь не простой!)
Ощуцаю почти что пристрастие
Восторгаться его красотой.

Я поверила в Царство Небесное,
А Земное – в себе я создам,
И оно просияет над бездною -
Вдохновенье рождается там!

Сонет

Как и все, живу в четырёх стенах,
Не сомкнуть мне глаз.
Так взволнована.
И в душе моей торжествует страх:
Ведь душа моя заколдована.

Прикоснись ко мне –
этот страх пройдёт,
Обними меня – всё изменится.
И глухая боль, что была, спадёт,
Но отныне я – твоя пленница.

От избытка чувств
в добровольный плен
Забери меня, полусонную...
Я сдаюсь тебе. И на то взамен
Ты любовь мне дай невесомую.

Пусть она парит в небесах ночных
Среди тысяч звёзд
 лишь для нас двоих.

Чёрные комедии

Скуден запас
человечьих наследий:
Глянешь – пусты закрома.
Странный сценарий
для чёрных комедий
Жизнь написала сама.

Разные судьбы
для разных народов,
Выбери каждый свою!
Смутное время
печальных исходов –
Как очищение в раю.

Ценность победы –
один победитель
Тысячи павших взамен.
Выжившим скажут:
«Ну что же живите!
Пыль не стрясая с колен...
Видите ль, нам справедливость
не чужда:
Рады потворствовать ей!
Мы бы отдали вам берег жемчужный,
Только он призрак морей.

Что говорить?
Мы бы всё вам отдали –
Нет никаких берегов!
Вы же их сами давно потеряли
В омутх ваших грехов».

Разве не чудо –
подобный сценарий?
Некому правду вершить!
Рот лишь откроешь –
вопят и стенают:
- Рот правдолюбцу зашить!.

И презирают, и ненавидят,
Ложь выше правды ценя.
Тысячи павших –
один победитель...
Выбери, случай, меня!

Алина НОВИКОВА

Награждена грамотой

Хочу быть мужчиной и лошадью

Безликой тенью плыло человеческое существо по седеющим вискам -складкам матерей - дорог. Паутинно по кругу проходил медный день. Стрелки часов показывали далеко за полдень. Солнце светило высоко в небе. Красный зной наполнял толпы разгорячённых тел жаром. В такие моменты просыпается ощущение внутри, будто ты пирожок, подрумяненный с двух боков-щёк, из деревенской печи-жизни, не нашедший достойного рта ленивый трутень, плывущий по раздолью поля в поисках тени дерева – надежды на светлое будущее.

Тихо.

Как же сильно желание быть лошадью - свободной, независимой, грациозной, лёгкой! Впитывать свежие ветра Южного края, где рай, воля, стога пахучего сена и сочной травы, щекочущих тонкие копытца. Как это прекрасно, бежать по золотым полям, невольно гнуть шеи колосьям пшеницы, глядеть на ниспадающий бурлящий поток реки, устьем, перекрывающей нутро неугомонного леса! Распугивать ноздреватым дыханием щебет птиц, нарушать гармонию на миг в мирной звериной возне. Помешать доживать старость, кряхтящему косточками-сучками, накрытому серенькой шапочкой мха дедушке-пню.

А в грозу мечталось быть мужчиной: сильным, трепетным, надёжным. Мужчиной, разгоняющим прочь тучи-беды, копной тёмных, кудрявых волос. Мечта...

Может сон, может явь...

Тепло. Уютно. Плечи обнимает шаль. Мыслей моих тишина уносит в призрачную даль. Изредка вздыхает из-за печки домовой, нарушая душевный покой, рыданьем над горькой судьбой... А по улочке, во мгле бродит под тёмной вуалью муза – подруга одиноких... бессонных ночей. Лик её безмятежен и светел в отблеске мирно горящей свечи. Луч вдохновения озаряет... Свет, будто из монастырской, уединенной кельи, немного тускл, но сердце греет.

Начинаю творить... Кружится белоснежный лист, ложась покорным псом в колени. Осунувшись, скукожено дрожит капля синих чернил, в руках черкающих погожий стих... Пишу строфу за строчкой, корявой запятой и точкой... и ставлю кляксой печать всему творению.

Мокро... плывут на белом корабле листа матросы-строчки. Размыкаю, утомлённые сладкой дремой веки... За оконцем уж брезжит рассвет. Туманной дымкой, пропадая в качающей волне-походке, расплзся призрак музыки по голой земле...

Чёрное небо

Чёрное небо – это тучи ворон, кружащих стаей к непогоде в нависшем низком небосводе. Истошный крик по всей округе... и слышно в каждом уголке, как ссорятся «отцы и дети», не поделившие червяка. А червь - бездыханное тельце лежит ни мёртвый, ни живой в горланящей семье вороньей - бескомпромиссной и шальной. И вот он - яблоко раздора! - высоко в небеса поднят...

Чёрное небо – это предвестник грозы. Гроза спасительна в зное для пленных, мучимых жаждой и смертью, влачащих багровые оковы в пыли бесконечных узких дорог. О, если б вы знали, как долог, тернист путь капли живительной влаги! Это – клочья рваных туч, израненных хлыстами ветра. Пронзаемы клинком в молниеносном гнев, они становятся несчастны и бледны от беззвучного плача страданий. Визжа от боли в громовых раскатах, они несутся прочь... вдаль призрачного горизонта...

Чёрное небо – это пролиты чернила в синюю бездну. Плача мириадами звёзд, оно взирает
дщерью на грешную матушку-землю, молча...

Чёрное небо – это ночи дозор. Сторожевой безликой тенью, укутавшись до мёрзнувших коленок
в проеденную молью шаль, она бесшумно бродит среди сырых бараков, охраняя обитель мрака...

Загрустил на дороге одинокий фонарь...

Смеркалось. На небе ни звёздочки. Лишь густая чернота ночи – матушка ночь насурьмила брови.
Она торопливо вскинула шлейф кудрявых туч и понеслась прочь на золочёной колеснице. Впопыхах
забыла прикрепить чувственных мушек-звёздочек. Не загнула дугой и месяц, освещающий единым
рогом млечный путь. Без небесных светил стало тоскливо... На узенькой улочке не осталось ни
души.

Пусто... Загрустил на дороге одинокий фонарь. Накрывшись мёрзлой землёй, он простужено
скрипел на холодном ветру. Худая, снежная одежка на нём сверкала прорехами. Мороз пробирал
до самых костей, выходя синеватой дымкой в уголки заиндевшего рта. Пар, клопоча в горле,
вырывался наружу с хрипом, повисая сосульками на реденьких тараканьих усиках одноногого
фонаря. Он стоял у заставы много лет, состарившись на одном неизменном месте. Гордо нёс свой
пост и в снежные бураны, и весной, и летов, стоя в грязевых лужах по самую ключицу, глотал пыль
дорог и брань пьяного возницы. Теперь старый чепчик, едва прикрывал седенькие плечи старичка-
фонаря. Но он по-прежнему приветливо светит тёмной ночью, провожая взглядом запоздалых
путников, дряхлеющим пальцем-стрелкой указывая, верную дорогу. Ни на что, не жалуясь, ничего
не прося...

Любви весенние порывы

Гриф гитары семиструнной, серенады под окном, романтические нотки над завянувшим ушком.
Но как приятен вкус любви, ощущение высоты! Душа поёт и рвётся на волю, златовласой савраской
несётся по полю, по травам-муравам, залившимся лугам, где порхают на лёгких крылах мотыльки,
хоботком щекоча, садятся бабочки в цветы. И хочется объять весь мир любовью чистой, непорочной,
расправить крылья и летать, подобно ангелу в небесных даях. А вереницей томных мыслей
зарыться в розовой глазури и витать в мечтах...

Но вдруг... предчувствие разлуки омрачает любовный пыл. Прощальный танец в жёлтом
платье, бессмысленные слёзы и упрёки... Он нежно шепчет, обхватив легонько плачущие плечи: «
Мне пора, пора в дорогу» ...

Вот и спустилась с небес на грешную землю и чувствуешь, как тяжелеют, наливаясь свинцом
ноги, опускаясь на горящую почву. Скрежет массивных колёс – уходят в дали поезда, и он уходит...
Горят опалённые любовью крыла, нет сил дышать. Всё вдруг меняется, серые тона окутывают дни, и
хочется бежать, скрыться в никуда. Плающее сердце ещё объято страстной любовью. Тепло его
пальцев бледной руки до боли сжимает сердце в груди, разрывая его в мелкие куски. И чувство –
будто по душе пронёсся страшный ураган, сносящий все преграды смерти, жизни и любви. И в
сумерках ночи тают остатки искр любви, поднимаясь горящим пеплом в бездну...

Пустячок

Бывают в жизни человека такие моменты, когда ни с того ни с сего появляется грусть,
впоследствии превращающаяся во влажную слезливость и громкие всхлипывания. Но вдруг... всё
меняется: чья-то нелепая шутка приводит в восторг, и ты уже смеёшься, стыдливо вытирая мокрые
щёки и радуясь жизни. Настроение непредсказуемо. Оно меняется, как погода: временами наступают
грозовые тучи с проливными дождями, иной раз ласковые лучи солнца согревают душу.

Бывает же так в жизни. Живёт себе человек, никого не трогает, и вдруг, как гром среди ясного
неба, заглянет к нему беда, будто любопытная старушка - в щёлку в заборе. Да так тихо подкрадётся,
что и не заметишь вовсе, а она тут как тут: в дверь постукивает. Отворяй, мол, ворота, принимай
бедушку на свою горемычную седую головушку. Скрипя сердцем, приотворишь створку двери, а в
душе ещё надежда живёт: авось минет тебя, поглядит и дальше пойдёт.

Однако, не всё так просто да легко в жизни выходит. Иной раз загрустишь, головой поникнешь,
комком к горлу подступит, а ты терпишь. Нет уж мочи, и польются слёзки, орошая землю под
ногами-то. Смотришь, букашка ползёт: смешная такая, лапки махонькие, а тащит в них соломинку

длинную такую. Про слеёу уж и забыто -высохли от тёплого летнего ветерка. Дальше смотришь, и смех прямо разбирает: букашка через бревнышко перевалилась и вверх брюшком плюх и барахтается- соломинка ей поперек брюшка встала, верно, тяжелая, не подняться букашке, надобно бы помочь. Вот и на душе просветлело, вроде какой пустячок, а от грустных дум отвлёк. И вновь живёшь. Надо же, как случается: вроде так тоскливо этак было, и вдруг так весело сделалось, словно былое вспомнил и от души нахохотался. Мудрёная штука – настроение. Не поймёшь его: то так, то этак. Видно уж, верно природой-матушкой задумано: дальше жить надобно – век длинёнхонек, да больно быстр на времечко.

Анастасия МАЙОРОВА

Награждена грамотой.

Сильная ягода

Ей солнце силу отдавало,
Земля поила молоком,
Ночь сказки в тишине шептала,
Будило утро ветерком.

Поспела вишня людям в сладость,
Сама готова отдавать
Добро, любовь, здоровье, радость
И силу, что дала ей Мать.

С кислинкой, не в угоду брюху,
Вкуси, на вишню нет табу.
В ней косточка для сильных духом,
Чтоб прямо в глаз вклепить врагу.

Осенний взгляд

Осенний дождь пронзил тепло,
Отрезал он и солнце от земли.
А ветер дышит тяжело
И носится по улицам в пыли.
Туманы бьются о дожди,
К земле уставшей травы полегли...
Шепчу я: «Лето, подожди!
Не улетайте, журавли!»
Но листья тихо засыпают звук –
За звуком лето уплывает вдаль.
И время вспять
не повернётся вдруг,
И в сердце не уляжется печаль...

Алина ЛАВРОВА

Награждена грамотой

* * *

След на тропе, в пыли подорожник.
Время – не Лекарь. Время Художник.
Прошлого тени с годами светлеют.
Доброе – ярче, злое – тускнеет.

Помнится то, что сердцу так мило.
Воспоминания – цепкая сила.
Будто в ознобе, сердце занает,
Но возвращаться обратно не стоит.

Лучшее помня, вперёд ты иди:
Жизни шедевры ждут впереди.
...След на тропе, в пыли подорожник.
Время не Лекарь. Время – Художник.

Глаза ангела

В одну из прозрачно-безлунных ночей
Приснился мне ангел.

Из ясных очей
Лучился спокойный, целительный свет
Наивности детской и мудрости лет.

С тех пор не могу я забыть этих глаз,
Ищу чудо в людях. И вижу подчас.
Но всё же и ангел не даст мне ответ
О том, что случится, чего ещё нет.

И так год за годом, строка за строкой
Тот взор, что в тревоге несёт непокой:
Повсюду со мной его нежности свет.
Глаза эти Вечности знают секрет...

* * *

Запах синих виноградин –
Боль бессонницы моей
Поздней ночи...

Безотраден,
Непрогляден, без огней
Мир, где инея крупинки,
Стужа – жгучий лёд души...
Виноградинки-былинки
Соловьи в ночной тиши.

Путник

В сердце любовь, а в мыслях весна.
Девушка-тайна вечно грустна.
Лес – её сторож. И шепчет она:
«Где-то мой путник... Я не одна!»

Есть её путник. Он ищет её.
Видел во сне он счастье своё.
Горько от милой быть далеко.
В чашу лесную ходить нелегко.

Сколько на свете цветной мишуры

Грубой, пустячной... Но в ритме игры
Он забывает, что он одинок,
Не примеряет терновый венок.
Цедит он сон, как целительный мёд.
Край её платья к губам он прижмёт.
Вновь, устремлённый, идёт за мечтой –
К той, ожидающей в келье святой...

Ночи дорога его привела
В тайные горы, в церквушку села,
Где родниковы живые ключи.
Крест окропляют от солнца лучи.
Дверь под напором легко поддалась
Он – за косяк, чтобы с ног не упасть:
- Милая, здравствуй! – но тихо в ответ.
Девушки-тайны под сводами нет.

- Где же ты был эти годы, скажи? –
Лживость дорог, миражи, миражи...
Проблеск надежды на бледном челе –
Алые бусы горят на столе.
Ты опоздал в своей жизни земной:
Девы здесь нет – тишина и покой...
Ангелы леса, что водятся тут,
Сон её вечный давно берегут.
Вечность тобою та дева жила:
Каждое утро с любовью ждала,
Всё-то молилась она за тебя...
Вот и пропала, себя погубя...

Ночь проведёт он в молитве к Отцу.
Слёзы впервые скользнут по лицу...
Имя её как на белом листе –
Путь безвозвратный к любви мечте.

Наталья ЛЫЖИНА

Дипломант Поволжского тура IX Всероссийского фестиваля молодых поэтов «Мцыри».

Осень

Воздух пахнет землёй... Одиноко
Крышу дом наклоняет к реке,
Шелестит под ногами осока,
Пламенеет вода вдалеке.

Вечер. Хлюпает грязь, очень тихо
Дышат сонные листья... потом
Сумасшедшим оранжевым вихрем
Окружат облупившийся дом.

От заката до зорьки устала
На веранде альбомы листать:
Мы вдвоём у куста краснотала
На единственном фото из ста!

Чёрной рамкой, знакомым портретом
Пустота обжигает мне грудь:
Мотыльком, очарованным светом,
Мчусь за тем, что уже не вернуть.

Дрогнет воздух, изломанной ветвью
Небо вспорет огонь... Снова тишь.
Ветер пахнет дождём, значит где-то
Капли точат углы старых крыш.

Невидимые дети

Так громко лупит дождь по мокрой крыше,
Так громко взвывает ветер вдруг в печи,
Что, плача рядом будто и не слыша,
Задует слабый огонёк свечи.

Шагнём, чтоб занавесить окна сонно
И в тёплую кровать скорей уйдём.
А у калитки, в двух шагах от дома,
Ребёнок замерзает под дождём.

Картонки в луже, мокрые газеты.
Прошёлся вечер, бусы оброня...
А на дворе давно уже не лето,
И холод руки жжёт сильнее огня.

Прохожий редкий пробегает в спешке:
Пускай ребёнок мёрзнет - все равно!
Несправедливы глупые насмешки,

В сердцах людей отчаянно темно.

Останутся невидимыми дети,
И сами не научатся любить,
Пока не вспомнят люди, что в ответе
За тех, кого они рожают жить.

Память - это сито?

Всё на свете так же, как недавно:
Паутина лжи и стрелы сплетен.
Просто жизнь жестока и коварна,
Просто нет тебя на этом свете.

Я не стану плакать и молиться,
Голос мой надломленно не треснет.
Просто вдруг пойму, что мне, как птице,
Жить нельзя без крыльев и без песни.

Вот и всё! В душе кольнет металлом.
Не подумай, я в любовь не верю.
И надрывно всхлипывать не стану,
И не стану ждать под этой дверью.

Просто смерть. Мы даже не знакомы.
По ночам печалиться не буду.
Пустота не встанет в лёгких комом.
Память - это сито - я забуду.

Слёзы? Нет, сказала же, не плачу -
Это дождь, а мне всё параллельно.
Друг для друга ничего не значим,
Только сердце жжёт почти смертельно.

Всё пройдет. Спишу на бритву раны,
А осипший голос - на простуду.
И у ног твоих рыдать не стану.
Память - это сито... Я забуду?..

Запах лета

Нежный шёпот листьев, в небе облака.
По лугам росистым вдаль бежит река.
Медленно по дому бродит шум лесной.
Запахом знакомым овекает зной.

В эти дни ласкает в поле ветерок.
Тихо расцветает крохотный цветок:
Раскрывает листья, вертит головой -
Слабый, неказистый, но зато живой.

Лёгкий запах лета в чаше лепестков -
Мало что на свете нам милей цветов!

Мария МАРЧЕНКО

* * *

Кому-то светоч веры.
Кому-то в жёны стерву.
Кому-то дом казённый.
Кому-то крест безмолвный.
Кому-то путь не близкий:
Пиджак и чай английский.
Четвёртому похмелье,
А пятому прозрение.
Шестому стул без ножки.
Другому хлеба крошки.
Девятому нож в спину.
Десятому вершины.
Кому-то снежный трафик –
Бабуля вяжет шарфик...

А детки вырастают...
По-разному бывает...

* * *

Уходишь... Я слёзы прячу.
Наверное, это значит,
Что снова безумие близко
И вороны кружатся низко.
Что снова, рыдая украдкой,
Я буду играть с собой в прятки...

Льёт ливень, как оголтелый,
Смывая признанья на стенах.
А я заполняюсь уныньем.
Пусть кончится день этот длинный...
И ночь, обнимая крылами,
Сотрёт пустоту между нами.

* * *

Время близится к полуночи.
Спит сыночек. Тишина.
Спят заснеженные улицы.
Полусонные дома
Провожают редких путников.
Их встречают фонари.
Все следы снежинки спутали:
Вот попробуй разбери!
Тесно связаны события,
И людей случайных нет:
Все идём к одной обители,
Все мы тянемся на свет.

Мы не зря с тобою встретились,
И событий череда
На сердцах свои отметины
Оставляет навсегда.

Стала старше. Год прибавился.
И пора бы повзрослеть.
Мне всю жизнь безумно нравится
Ночью на луну смотреть.
Романтичная до одури,
Верю в розовых слонов...
Я как будто перед родами
Говорю с тобой без слов.

* * *

Без поцелуев. На выдохе. Финиш...
Ты меня любишь? Вернёшься? Обнимешь?
Странное чувство... Ну, знаешь, как будто
Ты свою нежность даришь кому-то...
Глаза закрываю, мелькают картинки:
Возле тебя эти дурры-блондинки...
На расстояние. Не знаю, что думать...
Вот бы сомнения взять и засунуть
В узкое дуло. Выстрел. Не целясь.
Страх свой убить мне бы очень хотелось.
Очень боюсь быть обманутой снова.
Женская ревность! А что здесь такого?

Счастье

Совсем некстати снег заносит улицы.
Прохожие спешат – смешны как курицы.
Всё это интересно, даже весело.
И Счастье рядом село, ножки свесило.
Надолго ли оно остановилось тут?
На час-другой иль несколько минут...
А, может, лет на десять здесь останется -
Смотря как Счастьем у меня понравится.
Остановилось лучше б навсегда оно
И день и ночь смотрело бы в окно.
Или в коробках с детскими игрушками -
С машинками, мячами и зверушками.
Или пускай в подушки зарывается,
Я думаю, что Счастьем здесь понравится.
А лучше пусть оно в душе поселится,
Тогда уж точно никуда не денется...

* * *

Не знаю объяснить как, но мне кажется,
Что всё у нас с тобой прекрасно свяжется.
Быть может, это женское предчувствие,
А, может, я опять слегка безумствую.
Опять впадаю в крайность от отчаянья...
Ведь мне в ответ, увы, одно молчание...

2014 год

Сергей ДАВЫДОВ

Награждён дипломом в номинации молодая проза

Крем

В одном из провинциальных городов Средней Волги жил мальчик по имени Саша. У Саши, как и у большинства мальчиков двенадцати лет, была бабушка, и бабушка была совершенно особенной. Таковой Саша ее считал не только потому что она была его бабушкой и он сильно ее любил, а потому что женщиной она была действительно исключительной.

К примеру, автомобильный стаж ее начинался с юности, а точнее с сельскохозяйственных автомобилей, и длился аж по сей день. За свою жизнь она в одиночку исколесила весь Советский Союз и часть Европы, пожила в России, Узбекистане, Таджикистане, Крыму, Венгрии, Финляндии, Германии, Афганистане и даже на крайнем севере; собственно, одному Богу известно, какие черты ее туда занесли. Она работала экспедитором, шофёром, закройщицей, продавцом, страховым агентом, администратором бара, а также таксистом, переводчиком с фарси и даже травильщиком стекла плавиковой кислотой, уж что говорить о таких профессиях, в которых она надолго не задержалась, как, например, сборщик или скорняк.

Родом бабушка Саши была из небольшой поволжской республики, и, как и большинство представителей послевоенного поколения, не была сторонницей особых изысков в обиходе. Как и многие бабушки, жила она скромно и со вкусом, одевалась по потребностям, да и перед зеркалом вертеться ей вовсе нужды не было, лишь бы на работу было в чём пойти. А работала она, к слову сказать, много и упорно потому, что люди те были такими - не к лицу им была пенсионная романтика. Вот и бабушка Саши в свои шестьдесят два года и не думала уходить на покой, с гордостью выполняя обязанности старшего менеджера страховых услуг в одной небольшой провинциальной компании, занимающейся продажами, пожалуй, всего, кроме человеческих душ и прочих нематериальных объектов.

Событие, о котором я собираюсь вам рассказать, произошло в канун восьмого марта, а по совместительству и в день рождения бабушки. Внук Саша, как и большинство юношей, плохо разбирался в женских желаниях, но не дарить ничего уже было непростительно. Поэтому, когда мама протянула Саше неожиданно крупную для него купюру со словами: «Купи бабушке что-нибудь приятное», никакой особой радости юный даритель не испытал, ведь ответ бабушки был для него очевиден.

Но всё же обеспечив себя тёплой одеждой и денежными знаками, Саша направился в ближайший магазин.

«Крем... вот то, чем все время пользуется бабушка!», - подумал Саша и начал набирать разноцветные эликсиры. Вы должны правильно понять Сашу: для него, как для любого парня двенадцати лет, кремом было все, что продавалось в косметическом отделе, особенно всё жидкое и густое.

Разумеется, подарки следовало красиво упаковать. Этому Саша научился у мамы. Купив праздничную коробку с рисунком из роз, Саша сложил в неё покупки, залепил скотчем, чтобы не открылась, да и понёс бабушке в ожидании дифирамбов, мол, какой же всё-таки умный мальчик у нас растёт – президентом станет.

Получив подарок, бабушка незамедлительно его распаковала.

«А ведь крем у меня правда закончился», - подумала бабушка, наспех намазав лицо перед сном. Бабушку не смутило ровном счётом ничего, кроме едкого запаха внуковского подарка. Дело в том, что подходы к косметике у Саши и его бабушки были практически идентичны: мол, белый — значит крем, буквы на бутылке аглицкие — так тем более хороший, а что щипет — так это лечит. С этими

мыслями бабушка в скором времени благополучно отошла ко сну, правда ненадолго. Посреди ночи женщина была уже не в силах терпеть жгучую боль на своём лице. Дойдя на ощупь до ванной, она решила во что бы то ни стало расправиться со зловонной заморской жижей.

- И ведь мало того что щипит, так ещё и воняет она, ну просто отвратительно», - говорила потом женщина на работе, оправдываясь перед клиентами. А поводов оправдываться было, поверьте, предостаточно: на бордовом лице напуганной женщины не осталось ни бровей, ни ресниц, ни даже тех волос, что должны расти над лбом и висками — все они смылись вместе со импортным кремом для депиляции.

Бабушка Саши была женщиной горячего нрава, и не будет преувеличением фраза о том, что в тот же час все жители подъезда оказались в курсе всех её душевных переживаний, изложенных громкой, далеко не самой цензурной и не всегда понятной русскому человеку лексикой. После этого инцидента бабушка больше никогда не пользовалась теми кремами, аннотация к которым была написана на иностранном языке, и поняла, что болит — не значит лечит.

Лапы

Бурая кучерявая шерсть вновь свалилась в клочья. Приводить себя в порядок было не самым любимым занятием Курта. Как и любого пса, его больше волновали игры, вкусная еда и мяч того парня, за которым можно погоняться. От этого его хвост вставал трубой, глаза искрились, а сердце норовило выскочить из груди от щенячьего восторга. Это и делало его счастливым — вольное шествие по городским улицам, виляние хвостом, погоня за машинами и приставания ко всему, что напоминает самку.

Курт был немолодым псом — ему был сорок один год. По его брюху шёл длинный шрам в виде молнии, уши его были поролоновыми, а хвост - из синтетического меха. Голова его то и дело отваливалась, а лапы протирались до дыр. Но это его не волновало. Он, Курт, - вольный пёс с городских улиц. С восьми до десяти он не подвластен глупым человеческим условностям и правилам. Он бурый пёс без страха и упрёка, конченный ловелас и друг всех детей...

Десять минут назад в кабинку общественного туалета на площади Куйбышева зашёл мужчина средних лет в деловом костюме, с кейсом, дорогими часами и большой туристической сумкой. Сегодня Курт начнёт своё путешествие отсюда, из самого центра города. Он пробежит мимо дорогих ресторанов, где с коллегами обедает Максим Викторович — неприглядный, полный начальник отдела страхования с ипотекой и бумагами на развод. Он заглянет в дорогие бутики, в которые ещё пару лет назад ходила Оксана Олеговна — бездетная кляча в лосинах, настолько жадная и недалёкая, что в тех же бумагах на развод от некоего Максима Викторовича видит лишь цифры.

Пёс заглянет на детскую площадку, по которой когда-то бегал маленький Колька со своими друзьями со школы, возможно, поглядят озорного Курта по брюху и дадут сладостей, пока их мамы смотрят жидкокристаллические сны про любовь и бандитов в тесных человеческих клетках, которые им так нравятся.

Тёплое вечернее солнце согревает его плотную шкуру. Вот ещё одна самка заинтересовалась им и хочет поиграть. «Интересно, это из-за моего длинного и толстого хвоста... или как?» - думал Курт.

«А вон, тот парень хочет кинуть мне мяч, такой маленький, красный и быстрый. Конечно, я побегу за ним через дорогу! Правда однажды мне отдал ногу черный RAW4, а хозяин авто назвал меня придурком. Но это лучше, чем есть бутерброд с иголками и грязью, который дала мне та немолодая дама в синем пальто. Люди бывают такими глупыми, такими жестокими», - думал Курт.

«А вон у той самки славная кудрявая шубка! Она напоминает мне молодую болонку, которую я упустил, когда попал под колёса черного RAW4. Моя лапа порвалась, а морда повернулась на сто восемьдесят градусов, да и бок болел так, будто меня цапнул бульдог или даже бладхаунд. Злые люди! Люди — злые. Подальше бы от них. Веселиться, играть, но не быть частью их жизни».

Ласковый вечерний солнцепёк сменился сумерками, а потом и душистой городской ночью. Люди стали ещё более разными, непонятными и странными: «К примеру, девушка выкрашена в синий цвет, и носит сумку в виде воздушного шара, а тот молодой человек, вышедший из ресторана, кажется, выпил слишком много красной воды и хочет её ударить. Что такого плохого она ему сделала? Может, ему не нравится цвет её шерсти?»

Пару пытается разнять высокий мужчина с блестящей лысой головой. Курт знал, что мужчину зовут Виталием Владимировичем Ковальковым, он генеральный директор ООО «ИнтерТомМедиа», «синюю девушку» -

Кристиной, но она называет себя Амалией и мечтает стать художником, а клерком в сфере экономики. А молодой человек с красным напитком именовал себя, кажется, Артуром, и поступил на работу в ООО «ИнтерТомМедиа» на должность системного администратора по настоянию синей Амалии.

«Надо скорее добраться до укромного места», - подумал Курт.

Завернув в переулок у ресторана, Курт приспособился к куче коробок из-под солёных маслянистых чёрных ягод и сухих фруктов. Справляя нужду, он чувствовал тёплый, чарующий запах пищи, доносящийся из чёрного хода в ресторан. «Как им там, наверное, хорошо!», - подумал Курт, испытывая голод, как вдруг раздался чей-то громкий топот. Ног было много, и все они были звенящими и тяжёлыми. Вскоре переулок перегородила пятерка парней с блестящими головами и рисунками на коже.

- Ничего себе напился придурок! – сказал один.

- Я не придурок. Я вольный пёс, - подумал Курт.

- Чего молчишь, извращенец? – выкрикнул второй, подошёл к Курту и ударил его по морде.

Вскоре вся толпа начала надвигаться на Курта. Они говорили обидные слова, и их игра ему совсем не нравилась. Сквозь шерсть просочилось пятнышко крови. Иного выхода не было – Курту пришлось спасаться бегством. Вырываясь из цепких лап ненавистников, ему удалось выбежать на дорогу. Курт скулил, моля о помощи, но прохожие оббегали заварушку стороной. Увильнувшись очередной раз из-под тяжелой руки, Курт побежал в сторону дорогого ресторана. Внезапный пинок ускорил его движение.

Быстро встав на лапы, Курт попытался потрогать свой нос. Тот был цел, но болел – на лапах не осталось следов крови. Только шум в ароматном зале резко стих. Бокалы перестали наполняться, женщины перестали кричать, официанты остановились с подносами в руках. Перед дирекцией ООО «ИнтерТомМедиа» стоял Максим Викторович – неприглядный начальник отдела страхования - с ипотекой и бумагами на развод, с окладом 60000 рублей без вычета налогов. Он был в костюме коричневой собаки, а лицо было испачкано кровью и грязью.

- Максим Викторович, что с вами? – спросил, приподнимаясь со стула в центре стола, Виталий Владимирович Ковальков.

Молчали, ожидали ответа синяя Амалия и системный администратор Артур, главбух филиала Лилия Шукшина и вся молодёжь из отдела «компов», жадно уплетавшая бесплатные угощения.

Гробовая тишина продлилась пару секунд.

- Это... Это я с детьми играл, - сказал Максим Викторович опухшими губами.

- С детьми? – переспросил Виталий Ковальков.

- Папа, не злись! – прошептала синяя Амалия.

Виталий Владимирович недолго помолчал и, не выпуская из рук бокал с вином, направился к грязному человеку – псу с трясущимися конечностями и дрожащим сердцем.

- «Молоко любимой женщины». Будете? – Виталий Владимирович протянул ему бокал вина.

- А где дети-то? – выкрикнул краснолицый Артур.

- Дети? – промямлил Максим Викторович. – Нету их.

Максим Викторович почесал нос лапой, размазав грязь по саднящей коже, и выбежал из зала. Он не смог найти свою морду на тёмных улицах, сколько бы ни пытался. Видимо, кто-то подобрал её, или же хулиганы забрали её как трофей.

Максим шёл настолько быстро, насколько мог. Ему было бесконечно стыдно. У него не было денег на такси, потому что собаки не носят деньги. Его вещи остались в тайнике в общественном туалете на площади Куйбышева, куда ему было бесконечно стыдно возвращаться.

Добравшись до точки отсчёта, он взял спрятанные вещи, вызвал такси, доехал до дома и зашёл в душ. Ванная, как и все остальное, что составляло просторную квартиру, должно было стать его собственностью уже через шестнадцать выплат по двадцать две тысячи рублей.

Выйдя из душа, Максим Викторович лёг на просторную кровать и заплакал. Он вспоминал о маленьком Кольке, которому не суждено было переходить из класса в класс и праздновать восьмой

День рождения, о глупой и жадной Оксане Олеговне в леопардовых лосинах и дорогих туфлях, о гордом и свободном Курте, который потерял свою морду в одной из луж.

Вдруг раздался звук телефона.

Максим Викторович взял трубку.

- Это я была белой болонкой, из-за которой ты попал под машину - сказал хмельной голос главного бухгалтера Лилии. – И я не боюсь потерять морду.

Курт улыбнулся.

Наталья ЛЫЖИНА

Награждена дипломом в номинации молодая поэзия

Надо мной шелестят тополя...

Про людей

Люди любят показывать
Власть над временем,
Красоваться собой,
Выделяться из массы.
Но хотим мы того или нет,
Тем не менее,
Все похожи в желаньи
Казаться разными.

Одинакова в бешеной спешке
За модой
Жизнь с чужими стандартами,
идеалами.
Все зачем-то нужны,
Для чего-то пригодны,
Матерятся, ругаются...
 молятся - Мало ли?

Это словно артерию
Резать лезвием,
Зажимая бегущую кровь из раны.
Имитация действия
бесполезная,
Чтобы хитро кивнуть:
«Всё идёт по плану».

Чтоб не мучить себя
и других вопросами,
Слепо верить,
не думать разгадывать тайны.
Так ведут себя все
очень умные взрослые
Из боязни однажды
остаться крайними.

Тихо-чинно затянут на шеях гарроты...
И послушно умрут
в ожидании рая.
Так же легче, чем вечно придумывать что-то.
А как лучше?
Поверьте, я, право, не знаю...

Чтобы помнили!

Надо мной шелестят тополя,
Снежным пухом

по тропочкам стелятся.
Слышишь вдох?
Это дышит земля,
Так воздушно,
что даже не верится.

Словно крылья трепещут листы:
То вспорхнут,
то ложатся измученно.
Обелиску поклонись ты:
Всем погибшим в боях
за излучину.

Тишина пропитала стволы,
Дождь вишнёвый
к подножию бросится,
Горьким запахом свежей смолы
Льётся хвойная разноголосица.

Поминальный разносится звон,
Воздух тёплый молитву нашепчет.
Пал в бою - не всегда побеждён.
Так случается. Так будет вечно.

Преклонятся в коленях цветы,
Ивы реку слезами наполнили.
И на камне шершавом,
в ряды - имена.
Чтобы знали и помнили!

Платок

Говорил, что я милее в чёрном,
Пошутил, что траур мне к лицу.
С ярмарки привёз платок парчовый
И вернулся на войну к отцу.

Будто знал: останешься героем...
Утром гроб закрытый понесут...
Я твоим подарочком укрою
Вдовью золотистую косу.

Дай мне силы...

Дай мне силы забыть всё,
что было и будет.
Разве можно:
за серость обыденных дней,
За обрывки
небрежно истрёпанных судеб,
Год от года любить жизнь
сильней и сильней?

Каждый шаг, каждый след
на губах – горьким пеплом,

Отпечатком на сердце,
морщинкой у глаз.
Но я снова страдаю,
всё так же нелепо,
От любви,
что сжигает меня и сейчас:

Затаилась по венам,
туманит рассудок...
Ей одной я обязана ядом в груди!
Дай мне силы забыть всё,
что было и будет,
Дай мне счастье не знать,
что ещё впереди!

Пожар

Громко крикнула: «Ненавижу!»
И в слезах убежала прочь.
Он в квартире под самой крышей
Убаюкивал нашу дочь.
Не сказала «прости» гордячка.
И к чему оправдания? Сор.
Это я упивалась мрачно

Недовольством от мелких ссор.

Лабиринты проулков тёмных
В предрассветной скрывались мгле.
Я под утро вернулась к дому,
Чтоб увидеть его в огне.
Вой сирены и раций стрекот,
И пожарной мигалки блеск.
Кто-то крепко схватил за локоть,
Посоветовал: «Лучше сесть».

Говорили, горит проводка,
И давно не исправна сеть.
Парню в штатском пихала сотку,
Чтоб пустил меня к ним... Гореть!
А потом выносили тело.
Не одно, было много тел.
Я всего лишь взглянуть хотела,
Кто меня удержать посмел?!

В «Скорой помощи» тесно, душно.
Медсестра набирает шприц.
Ампутуйте, тётя, душу,
Чтоб не видеть пустых глазниц
Вместо окон под самой крышей.
Не помогут ничьи слова.
Вы заметили? В клочьях рыжих
Целый мир догорел дотла.

Ксения ОРУДЖОВА

Награждена дипломом в номинации молодая поэзия

Мне снились красивые города

Там, где ты
В шаге от темноты,
В холоде, на краю —
Я только там, где ты,
Руку ищу твою.

Что расстояний жуть,
Кровь ледяной зари?
Если я нахожу —
Небо в сто солнц горит!

Онлайн. В контакте

Ты на связи и сердце чаще...
Фото вспышкой тревожит память.
Слёзы горькие - настоящие!
Всё ли кончено между нами?

Напиши мне хотя бы строчку,
Что угодно пиши, не знаю.
Между нами поставь не точку,
Пусть останется запятая...

Дитя небес

Крыльями рук маши,
Чаще. Давай ещё!
Выше, где нет машин.
Слёзы слетят со щёк.

Раз, снова раз и ввысь —
Солнечный фейерверк!
Сеть можно перегрызть,
Можно упасть вверх.

Небу отдамся весь,
В городе мне тесно!
Взмах — я дитя небес,
Я становлюсь бездной.

Не потеряян...

Когда у тебя ни единой души,
Готовой обнять за сутулые плечи,
Есть кот,
он утешит в холодной глуши,
Мурлычет под боком — становится легче.

Но люди не все так верны,
как звери,
Любовь, теплоту отмеряет небо.
Ты нищий, но далеко не потерян,
Коту отдавая остатки хлеба.

Вчера мне приснилась земля
 без ран:
Там были слова и любовь без лжи.
Увитый цветами подъёмный кран,
Сады — прекрасней, чем миражи.

Мне снилась...
и может быть, снилась всем,
Земли без ран на зелёной коже...
Но в мире том не видать совсем,
Тебя ... И меня – тоже!

Вокруг тебя толпы людей, десятки...
 Всё неплохо, громко и даже лихо.
 И дяди-тёти из-за натёртой пятки
 Громко охают и создают шумиху.
 Есть девочка,
 что даёт поиграть лопатку,
 Может, их две, только тебе до кучи.
 Ты не знаешь, что значит «шатко»,
 У тебя две беды — это мороз и тучи.

* * *

Переломанные позвонки
соединяются в единое прочное,
если руки твои касаются рук моих.
Я понимаю,

что шум окончательно стих,
когда сердце душе
отдаёт свехурочные.
И одуревшие ласточки не ленятся
падать и вновь взлетать
по тысяче чёртовых раз,
мы с ними даже
чем-то слегка похожи...
Я тоже
нежными поцелуями твоих глаз
разбиваюсь в мурашки
на этой любимой коже.

Ангелина НЕСТЕРОВА

Награждена грамотой в номинации молодая поэзия

Летний вечер

Я люблю этот летний вечер,
Я хочу быть с тобою вместе,
Я хочу возвратиться назад...
Ночь в палатке
И пламень костра.
Снова мы весёлые и беспечные —
Снова любим
И рядом друзья...

Метель

Вот и выпал снег,
Зимой пахнуло...

Небо затянули облака,
И метель объятья распахнула,
Сразу успокоилась река...
Лучик солнца потерялся где-то,
Робко бродит по земле с рассветом...

В аромате сада белая метель.
И горит на ветке майская капель.
Соловьи запели ночи напролёт,
Солнышко всё раньше
Над землёй встаёт.
Пашня зеленеет, озимь ожила.
До весны дожили,
Славная пора!

Выросли ромашки,
Зацвели пионы,
Садик мой весенний
Вновь стоит зелёный.
В нём цветут тюльпаны,
Розы и гвоздики,
Все они желанны,
Я люблю их лики.

Цветущий май

Весна – в душе, весна – на улице,
Куда ни глянь – цветущий май.
А каждый, кто б ни шёл, любитесь,
Как ожил мой родимый кра

Мария ТАРАДОВА

Награждена дипломом в номинации молодая проза

Запечатанный сосуд

Глубококораненная осень уже бредила преждевременным холодом. Неприкаянно – звонко ходит по берёзовому полднику с бардовыми ризами в руках. Деревья – послушники... деревья в слезницах в небесной синеве как у бога на заутренней. Кузница чадит, среди клёнов пар укутал чёрную глотку, а рядом на телегах созревшие крылья. Свежевыкованные перья, словно колосья остывали под ленивым солнцем. Ещё помнили печи свою бронзовую меру в плавильне. На синеву небесных изразцов к рдению засохших трав вышел бледный человек. И хоть лицо его дышало редкостным спокойствием, а золото глаз уступало, лишь солнцу, в гибкости тела угадывался скрытый недуг. Будто эта кровавая блажь отмерших листьев была тесна ему от рождения, смысл кузнечной епитимьи скрывал, природную силу... в этих тонких руках так смиренно покоился меч.

Будто предвидя свои ратные подвиги, взглянув на облачную сень, кузнец улыбнулся: «Гости скоро прилетят!» Грозное оружие легло в земляную прохладу рядом с бронзовыми крыльями. Под стареющими неприкаянными осинами дремал каменный стол.

Стая из двенадцати ангелов... Они хлынули прямо к свежее дышащим крыльям. Свои – проржавели, еле двигаются за спиной. Ангельская ретивость же завилась в опалённых кудрях,

выступила морщинами над изломленными бровями. Эфир свой эти небесные стражи износили, и нынче вместе с природой теряют маховые перья.

Хозяин, кузнец, встретил их радушно, точно весь день ему не жилось...без давно забытых сыновей затихшего неба. Раскрытыми объятьями, приглашал их к столу. Ангелы неохотно, будто бросая милость в воздух, поздоровались с хранителем меркнувшего мира. Кузнец приветливо раздал воинам полотенца. Дети неба отнеслись к любезности как к данности.

Ангелы с клокочущей жадностью принялись делить меж собой выкованный дар. Белые всполохи одежд в резких движениях сверкали тёмно-бордовыми отметинами. В тон жалящей осени.

Но прежде чем надеть новые крылья решили передохнуть. Руки – дрожали. Ажурная рябь стареющей яблони млела от солнечной маяты.

Хозяин начал разговор:

- И как война-то? Не устали еще тешиться?

- Скажешь тоже! Мы, будто развлечения ради, с этими бунтарями воюем? Эка выдумка – назвали себя истинным небом! Наши же чертоги – эксплуататорским классом.

Совсем стыд потеряли! Мы им покажем, у кого истина за пазухой! Двум небесам зараз не бывать!

- А как осият они вас? Помирились бы лучше. Куда уж об высоких матерях мечем спорить! Все мы живые, духом наполненные...Чего еще искать?

- Про дух, кстати, весьма убедительно один из наших молодых соратников рассуждал. Мы теперь продвигаем доктрину о том, что душа – это благо не всем дарованное. А только наживное. И не все могут даже заслужить её.

Старший из ангелов многозначительно поднял палец, тем самым возводя сказанное в непререкаемую истину. Его подручный брат придирчиво точно марал желтолистый блокнотик ломаной стенографией... перекличкой символов.

Кузнец спокойноотреагировал в ответ на эти «детские словечки», будто прощая говорливым молодцам искажённые речи.

- Откуда вы нынче?

Осень же остро-ветренно качнула жаркий перелив чахнувших крон, листопадом осыпая на землю рваное великолепие годового цикла.

Пресный хлеб и забродившая выжимка дикого винограда, но даже этот сладковатый запах насущной пищи не мог затмить горькое веяние стальной отравы. Пятна на белом саване чернели... И лица ангелов как-то быстро поглубели...

- Из Северных Земель. Там сейчас интересное дело затевается! - спешно начал рассказывать младший ангел, - Смертные удумали крылья себе выращивать. Вживляют сталь себе в тело. Вертикаль ломают! Ну мы-то там шороху навели! Не для того же мы власть у деспотии отбили, чтобы весь порядок рассыпался!

- Болтаешь много... - огрызнулся Старший.

Воцарилась тишина.

- Я не помню нашего прошлого... только как вы меня разбудили в оковах, - немного грустно сказал кузнец, глядя в осенние деревья.

Ангелы напряженно замолчали, точно слова эти срывали тайный покров.

Тоска в глазах хозяина походила на безветрие... Он пожалуй сам не знал, в чём причина этой пустоты.

Напряженное молчание сменил порыв ветра...

К накрытому столу спорхнула белая стреха. Говорливый ворон угодил в тарелку с лепёшками.

- Тьфу ты! Куда летишь пернатый!

Желчное недовольство, от всплеска злобы, словно нечаянно стали чернеть лики. На одну лишь минуту, но так явно, будто под чадающим костром. Ворон же наполовину в белом облипке, что даже крыльям тяжело дышать.

- Друг мой, от чего ты в белом? Вороном расхотелось быть?» - кузнец подставил руку, желая помочь птице.

Ворон раскатисто прокаркал боевой мотив - искореженное приветствие без должного уважения.

- Я парламентёром нынче трудился. Форт наш опять люди захватили. А переговоры-то вести надо. Вот и полили, меня сей гадостью и вместо белого флага кинули к неприятелю. Ох, пол хвоста потерял, пока об мире с ними толковал!

Парламентёр нагло стащил из тарелки румяную лепёшку, клювом защищаясь от нападок.

- Нечего было мирные переговоры вести! Вдарили бы им, как следует, и хвост бы цел остался, - горячо воскликнул самый младший ангел с ещё не затупившимся мечем.

Старший ангел согласно закивал, одобряя рьяность молодого бойца.

- Вот из-за таких словокрутов мы время теряем, а эти низшие в наших обителях живут! Нет-нет! Коль человек оружие поднял, то с ним только жвачкой свинцовой говорить! Болен он гордыней! - громкие слова упали в опустевшие плоски.

Птица дернулась в сторону жалящих звуков. Еще немного и злоба перетекла бы в материальное действие.

- Тебе бы под стрелами полетать бы! Сразу бы другими декретами заговорил! А сколько молодых да свежее завербованных полегло!» - каркнул ворон.

Ангелы по-собачьи злобно глядели на ворона.

Небо передразнивало жгучую ссору, молниями подпаливая тучи.

Освежающим дождём пролились следующие слова:

- Зачем ссоритесь? Сейчас полотно льняное принесу из кузни, и пойдём до колодца...

Хозяин исчез в серебряном волнении пыли: «Я вам птенцам неошипанным учинённого никогда не прощу! Вы отца нашего предали, в бранный сосуд запечатали! А теперь ещё лицемерите, комедию разыгрываете! Будто это он, ворон, заблудший, а вы-то конечно пастыри! Все от этих грешников вольнодумств нахватались!»

Тем временем ворон набросился на самого старшего: от внутренней боли появились силы. Если бы младшие не оттащили пернатого гневника, вряд ли осеннее спокойствие продолжилось.

- Не лезь в чужие дела! - ангельский лик исказился, будто зверь проглядывал сквозь высшую форму, - Это наши дела... Наш мир!».

На скатерти осталась перьевая суть... Листва взметнулась к заплывающему облаками небу, словно стремясь выдать высшую тайну. Окружающий мир утратил возможность выбора. И появление кузнеца только усугубило навязанное предначертание.

Кузнец вернулся к застывшей злобе с плоской воды и полотном через плечо. Жжёный запах запутался в редющих ветвях яблони. Хозяин решил не показывать обиду. Он умел легко прощать.

...Вода, льющаяся, из старого кувшинчика, показалась ворону самым драгоценным сокровищем после вражеского обстрела.

- Рад, что ты прилетел. Здесь так одиноко, и сны слишком явственные приходят. Как не стараюсь, ничего кроме ремесленных навыков вспомнить не могу. А порой, знаешь, всё чудится: будто этот островок мои желания угадывает. Вот вроде бы осень, а то тепло, то холодно... под стать моим метаниям, - кузнец аккуратно смывал краску с крыльев.

Скоро вся грязь осталась на дне деревянной плоски.

- Знали бы прочие как дивно и спокойно у тебя тут... А внизу сейчас то ещё пекло! Про память не волнуйся... все придет, - в последних словах ворона проскользнула дрожь. - А куда ангелы-то улетели?

...Вернулись они тихонько, вроде бы сглаживая недавно разразившуюся бурю. Воины слегка разомлели, любясь солнечными лучами через листву деревьев. Привычно вспыхнули яростью, но под укоризненным взглядом хозяина спешно поостыли. Худой мир всё же установился, и на смену осенней лихорадке падающей из жара в холодную дрожь пришёл густеющий вечер. Травяные души в кипятке... Разговоры на фоне засохшего поля - служение словопустоте или неспешающей ночи. Голубая дрожь начинающейся осени смеялась детскими голосами.

Дети казались ошибкой притчи, когда страницы перемешались, и нет точного прогноза.

- Откуда у тебя эти? - безглаголиво осведомился кто-то из братьев-ангелов.

- Новоприставившиеся. Недавно путешествовал по облакам и увидел: сидели воробышки воробышками. Вот забрал к себе, -ответил кто-то.

Порой грезиться что ты так же легко звучишь внутри себя: «Покой заслужишь надо! Отработать подобающим образом!»

Так думают ангелы.

Ворон же неохотно доклевывал лепёшку, явно желая вспомнить угасший спор:

- Неужто мало вам было работы на Земле?

- А ты что же хочешь, чтобы все задарма покоем наслаждались? Мы, между прочим, систему невоплощенного пребывания сделали целесообразной - независимой от нажитого скраба! Мы создали общее минимальное благо для всех! И это только начало! - отвечали ангелы.

Но хозяин защищал свой дом от злобы. Он плавно заплетал свои слова в чужой слух, убирая из мыслей гнев.

- Не предавайтесь этим распрям, ибо всё ярко блестящее может оказаться погибелью. А зерно всегда вызревает в самой сердцевине. Вы нынче о благе говорили... Я-то слаб такими разговорами щеголять. Но покоя не дает мысль, что вы кривду в белые одежды нарядить можете. Разум пылкий торопливый, - конец предложения растворялся, как облако...

Снисходил вниз прохладой. Всё хрупко в этой картине... Один лишь хозяин, не смотря на физическую слабость, выглядел, как солнечный стержень рассекающий тьму.

Под вечер всё же собрались братья в путь... Тесно им что ли стало в столь уютном месте или давно гневом не полыхали над смертными землями? Одно знаю точно: только крылья кованные примерили, небо в свинце захворало. Позвало, пожаловалось ... инеем ржавчины на землю осело... как умирающее оружие... выпавшее из рук.

Хотя может быть сие только наветы дум грозowych: просто тревога перед алтарной бурей, когда среди древесного кивания видятся небесные выступы над головами просящих.

Эфирные стражи вольнонарекшиеся сквозь жажду свою порою почуяли. Запах этот крылья новые благословил: верный, добрый знак – можно в путь собираться.

Над кузней тишь. Исчезли стрелы, и буря вовсе ликом спала в сумерках остывших. Колышутся алые знамена в посиневшем холоде. Провожают ли они своих знаменосцев с кованными крыльями? Птичий гомон – к трепещущей ночи.

- Тоже провожают... - улыбнулся кузнец.

- Они ко сну готовятся. День-то у тебя короткий, - прокаркал ворон.

- Так Братья устроили. Говорят, чтобы отдыха больше было, и недозволенность в голову не лезла. А мне что? Какая же тут недозволенность. Выдумают тоже. Разве может в природе недозволенное быть коль все заранее известно, - кузнец в шорохе травного пледа направился к дому.

Боль в его руках... боль – как отражение усмирённого осенью леса.

- Грешен я... Обманиваю своих дорогих братьев.

Мир сжался до яркого тоннеля света. Старый фонарь дрожал, тоже пугаясь этой тьмы, что неизменно опутывала своими мыслями осенние просторы. Деревья словно перенимали от тьмы акт старения, и сквозь дощатое облачение некогда крепкого летнего домика была видна поразительно ясная фигурка кузнеца, ветошь человеческой жизни: корзины, прохудившиеся мешки с железной мелочью...

Свёртки таращатся из темноты непонятным блеском. Скромное наследство без хозяев. Догадки ночными бабочками кружатся у источника света.

Ворон спорхнул на один из соломенных тюков.

В самом детальном скопище распавшихся предметов виднелась подсказка – белая лента шириной в ладонь звала к себе. Кузнец вытащил из резко-стеклянного шума уродливую сумку с заплаточной основой невразумительными кружками цветочного ситца. Странная вещичка по запаху, верно, принадлежала кому-то промасленному и очень уставшему. Даже оставить смог лишь свой запах не более.

- Что это? Или ты прячешь в сем тайнике запрещенную литературу? - хрипло осведомился ворон.

Кузнец вздрогнул, наткнувшись на собственный стыд.

В сумке, глубоко внутри, что-то жалобно вибрировало. Если бы там была спрятана тайна, можно было понять постоянное беспокойство кузнеца: ангелы летают по велению природы, но почему же существо, прикованное к земле, постоянно видит своё отражение в противоположной глади... небесной.

Из сумки бумажным шорохом, обжигая смятостью, неся с собой чьи-то чаяния, высыпались посеревшие конверты. Давно уж подобная связь не использовалась людьми, хоть и считалась священной, но ритуально умершей.

Ворон встрепелся, сбрасывая с крыльев наваждение. Бывают минуты, когда событие уже на горизонте, но не как данность, а только в облике миража. Алого по вкусу морской соли после которой жажда ниже гортани. Или пепельного наплыва гари из-за солнечного диска.

Однако теперь черноперая птица ощутила, как синева, спящая в далеких гробницах, становится бурей.

«Нужно что-то делать...» - подумал ворон.

- Эту сумку принесли мне мои подопечные ребята. Нашли на одном из блуждающих островков рядом с растерзанным кораблём. Возможно, пираты. На что им этот ворох бумаги? Я сначала подумал, будто сие шифровки. Когда прочёл... - кузнец замолчал.

Сквозь застывшую маску рвался кто-то чужой... болью по рукам, ударяясь о груды шипами...ранами наружу. Руки кровенили, если бы их мучили гвоздовым дождём. По чёрному фартуку скатились бардовые капельки.

- Друг мой, да ты бледнеешь точно молодая луна! - ворон слетел на плечо к согнувшемуся человеку. Тот был похож на свет, прорастающий из колпака чёрной мути. Дрожа, касаясь затылком оторопевшей земли, он всё же силился улыбнуться, представить происходящее случайным волнением – мол, так и должно болеть грешным.

- Там, - кузнец указал на сумку, - там люди пишут одному мудрецу. Наверное - мудрецу...или может даже вожаку. Они называют его странно... «Отче наш». Они пишут ему о своей боли, будто расставаясь с ней через слова. Говорят, что, не смотря на все невзгоды, выпавшие, на их долю, они верят,...ждут Его».

Кузнецу удалось сесть, выпрямляя затекшие ноги, добираясь мыслями до нужной фразы.

- Слышишь ли меня? - робко спросил кузнец.

- Я слушаю тебя, - отозвался ворон, наблюдая, как облако прячет лунный свет.

- Знаешь, я тоже решил написать Ему письмо. Рассказать, как одиноко бывает здесь, пока отсутствуют братья. Улетают птицы ...тоже на войну. Ведь даже лес страдает... Я знаю. Я слышу, как плачут деревья. Знаешь, может это по-детски, но я попросил...Наивная просьба....Пусть война закончится. Все вернутся домой. Жаль, не знаю, с кем же передать Ему моё письмо. У братьев спрашивать не хватает смелости. Они не поймут моей утайки. Примут переживания за болезнь. Я и сам понимаю, что болен. И выздороветь иначе нельзя, лишь себя теряя. Так вот... друг мой...

На этих словах ворон вздрогнул. Искусственный свет обнажал бессилие. Духоту. Ночь не принесла обещанной свежести. В противовес дню она застоялась в одном нелепом положении, высмеивая робеющий лес.

- Друг мой, ты летаешь среди разных людей. Землю наизусть знаешь. Можешь ли ты узнать у кого-нибудь, где живёт этот мудрец, чтобы передать ему бумажные послания, - прозвучала просьба кузнеца к ворону, затихающая на последнем слоге.

Старый фонарь погас, истратив свои силы... Ночь...с нами только она. «Передам...» - аукнулась темень. И, кажется, после этой просьбы островок смог спокойно уснуть, не опасаясь осеннего ненастья.

Удивительно мутный день, не желающий вскрывать уродство полуразрушенного города. То ли бой недавно был, то ли вымер вовсе. Безобразно серый дым решил стать покровом города. Вместо снега... или дождя. Люди здесь – редкая роскошь, они устали...от неба...может вовсе от себя. Своей слабости. Однако всё равно раз за разом ждали...поездов и вестей.

Чёрный штрих - силуэт – шутка полуразрушенного перрона. Человек – кажущийся наиболее не проявленным среди прочих. С зонтом, будто защищается от чужих взглядов этой забавной вещицей.

Он покорно ожидал... каменел внутри себя, ибо все чаяния, хотения он старался не тратить на посторонние темы. Берёт себя... Мало кто сумел бы прочесть в его спокойном лице волнение... Однако, море же тоже умеет быть ровным для чужих взоров.

Ворон устал после долгого путешествия. Просьба - в виде протянутого крыла. Как тут не ответить, особенно если ваш ответ внешне определён?

Разрывая конверт, яростно устраняя своё нетерпение вместе с лишними клочками бумаги, человек вчитался в ровные строки: видно, целую вечность ждал этой вести.

– Он хочет пробудиться... - утробный голос звучит из темницы или забытья.

- Возможно... - хриплое карканье.

- Ты прав. Возможность – одна из наших ниточек. Но важнее всего здесь его желание. Если я устал свою суть прятать в этом смертном теле, то уж Отец Наш и подавно истомился в темнице из плоти! - незнакомец взглянул на небо, ища в зреющих дождевых облаках совсем другие силуэты.

- От Вас я меньше всего ожидал помощи. Ведь вы давние соперники... - ответил Ворон.

Незнакомец, цепляясь, за внешнюю оболочку мира словно глядел внутрь себя. Что-то искал или просто выжидал нужный момент...

Письмо – лёгкий клочок скорописи, но тяжесть отразившихся на бумаге слов передавалась всему телу. Будила давно одеревеневшие крылья.

- Мы не соперники. Я его тень, и это мой главный смысл, - едкий смех пропитан болью. - Но как же тени жить без Света? То-то никак сие невозможно. А посему спасибо тебе, птица, за службу! Давно мы все стали пленниками у зазнавшихся людишек. Только если даже Бог наш в забытье пленником стал, значит, пора и нам восстать из материи брэнной.

Лети покуда, а я найду остальных. Будем отвоевывать твердь и высь! - за спиной незнакомца стала зреть тень, охватывая силуэт акварельно - лёгкой прозрачностью.

Духота длящегося дня умерла в каскаде оледеневших капель. Ворон успел нырнуть в облачные завороты, до начала холодной пляски дождя, оставляя безликому миру на память лишь порывистое карканье.

Незнакомец, стоя под долгожданным дождём, точно прощался с человеческой кожей, постепенно нисходя до эфирного отпечатка.

Буря пленила город владычицей, меняя суть уставшего града. Люди боялись, небесных выпадов: за простейшим капризом погоды им чудилась тревога и вражеское дыхание. И в этот раз улицы также послушно опустели, оставаясь в страхе как в броне.

Жаль, что после бурной пляски дождя никто не ждал радуги. А она уже проявлялась сквозь мутную серость облаков разноцветной лентой...

Наталья ФОМИНА

Награждена грамотой в номинации молодая поэзия

Я испеку тебе луну...

Я так люблю ночами рисовать
И видеть в мире то, что невозможно,
Я так люблю секреты узнавать
И их хранить так честно и надежно.
Я обожаю красить темноту
В цвета травы и сонного рассвета,
И нарушать молчаньем пустоту,
И босиком бежать в ладони лета.
Я так люблю жужжанье диких пчёл,
Треск ясеневого сучья под ногами,
Перед грозой заоблачный раскол
И грохот туч над мокрыми домами.

И осторожно подносить к лицу
Насмешливые солнечные взгляды,
И вместе с ветром раздувать пылицу,

Но только если ты со мною рядом.

48 ЧАСОВ

48 часов до весны :
Я сижу и считаю минуты,
Только время дрожит почему-то,
Как на речке пятно от луны.
48 часов до тепла
По секундам стекают со стенок,
И смывается бурый оттенок,
Затвердевший от зимнего сна.
48 часов до любви,
До большой и прозрачной печали,
Что сердца принимать не устали
От скучающей, нервной Земли.

48 часов до тебя,
И колотится бешено сердце,
И души отворяется дверца...
Только б это все не было зря...

Я испеку тебе луну
В духовке лета,
Я месяц в звёзды заверну
Перед рассветом,
Я подарю тебе ковёр
Лесной полянки
Под жгуче-белой пеленой
Небесной манки,
Я растворю в дождинках лёд
И свежей ветер,
И угощу тебя отваром
Из столетий,
Я постелю тебе постель
Из тучек зыбких,
За это мне твоей
Достаточно улыбки.

Так по-детски звучит «ПОЧЕМУ?»,
Так неровно ложатся линии,
Написала письмо ему,
О твоём лишь мечтая имени.
Написала, что буду ждать.
Ждать-то буду – друзья ведь верные...
Только так, как тебя ждала
Не смогу никого, наверное.
И скучать больше так не смогу-
На тебя силы все истратила,
Я ведь только тебе одному
Душу нежностью конопатила.
Я ведь только в твоих словах

Находила своё утешение,
Я ведь только в твоих глазах
Находила своё отражение.

Я ведь только тебе одному
Открывалась как есть, вся полностью...
И пусть детское «ПОЧЕМУ?»
Не тревожит своей невесомостью.

Я сейчас хочу тебе присниться,
Так, чтоб ты счастливо улыбнулся,
Я сейчас хочу тебе присниться
Так, чтоб ты от радости проснулся.

Я хочу присниться очень тихо,
Чтобы сон шагами не нарушить,
Чтобы прочитать тебя как книгу,
Чтобы знать, когда мне сниться лучше.

Я хочу сейчас тебе присниться,
Чтобы ты просил явиться снова,
Чтобы мир сквозь серых ливней нити
Был бы полон запахов фруктовых.

Я хочу присниться поздней ночью,
Утонув в твоих глазах зелёных...
Я приснюсь тебе, когда захочешь,
Только протяни ко мне ладони.

Ольга ЧЕРКАСОВА

Награждена грамотой в номинации молодая поэзия

Почему-то мне к Вам очень надо

Тусклый свет фонарей
На холодный асфальт
Наливается огненным соком.
Засыпающих улочек
Горизонталь
Замедляет мой шаг ненароком.

Идеальная ночь,
Тишина и покой,
Сладкий запах цветущей сирени.
И, я думаю, каждый
Под этой луной
В чудеса, как ребёнок, поверит.

Крыши серых домов

Поглощает туман,
И спустилась ночная прохлада.
Я иду по инерции...
Кажется, к Вам...
Почему-то мне к Вам очень надо...

Ты мне, наверное, показался

Чувствуешь запах
бесспорной власти?
Чувствуешь страх и любовь
под кожей?
Тело охвачено жаром страсти.
Тело прошито несмелой дрожью.

Комната кружится. Мы зависли.
Время летит. Мы летаем тоже.
Перечитали друг друга мысли.
Как оказалось, мы это можем.

Утро сжигает рассветом небо.
Сон не хотел уходить, но сдался.
Ты здесь, наверное, вовсе не был.
Ты мне, наверное, показался...

Загадала любовь

Шла одна по уставшим заснеженным улицам,
Темноту разводила руками,
как дым.
Загадала любовь...
только знаю, не сбудется.
Это слово давно стало
слишком пустым.

Каждый раз,
приближаясь к познанию истины,
На пути потухают десятки огней.
Загадала любовь,
потому что бессмысленно
Ждать того,
что и так существует во мне.

Это финиш

Это финиш! Рывок, и я чувствую,
Резко лента хрустит на груди,
Кто на старте давал мне напутствие,
Те давно позади.

Я их слышу ещё, но не слушаю.
Я смотрю, но не вижу совсем.
А с трибун все кричат,

что я лучшая!
Только верю не всем...

Это финиш!
И старт монотонности.
Старт бесцельных,
бессмысленных дней...
И до «финиша» в маске никчёмности
И... с ножами в спине...

Мне, пожалуйста, счастья

Город дремлет, укрытый химическим облаком.
Сквозь белесый туман
брызжет свет фонарей.
Ночью сети кварталов
немного изогнуты,
и деревья пугают узором ветвей.

Ночью кажется глупым,
что днём было истинно.
Ночь снимает проклятье
дневной суеты.
Кто-то пишет в тетрадь,
чтобы было записано,
я пишу,
чтоб не так ослепляли листы.

Город дремлет...
И я восхищаюсь спокойствием,
что заполнило тело и душу мою:
«Мне, пожалуйста, счастья огромную порцию,
а на сдачу –
любви непрерывный салют!»

Всплыла...

Фонари горят,
Разрывая мрак.
Каждый новый шаг,
Не попавший в такт,
Каждый новый страх -
Означают крах.
Я всё меньше я,
И всё больше прах.
Каждый новый взмах,
Как неверный знак.
Утро – старый друг,
Вечер – вечный враг.
Я всё больше ты...
Я не знаю, как
Я твои черты
Вижу в зеркалах,
И твои слова

Пляшут на устах.
Голова права,
А душа пуста.
Позвоночный стан
От меня устал.
Я давлю оскал
На краю моста.
Я была чиста!
Я была...
Всплыла.

Полина ШЕРСТОБИТОВА

Награждена грамотой в номинации молодая поэзия

ЕЖЕВИЧНОЕ ВАРЕНЬЕ

Ах, какое объеденье –
ежевичное варенье!
Я люблю его с блинами,
белым хлебом, пирогами.

Брат вчера набрал в лукошко
ягодку - красавицу,
А теперь в тазу она кипит,
шипит и варится.
Запах кухню наполняет,
домочадцев созывает.

Папа всех предупреждает:
- Вкусно, только горячо.
Руку,
чтоб я не спешила,
положил мне на плечо.

Я скажу спасибо брату:
ежевику он собрал.

Я скажу спасибо папе:
точно сахар рассчитал.

А еще спасибо лету,
Что для солнечной планеты
Столько чуда и секретов
Припасло оно.
Ах, лето!

ПОДСОЛНУХИ

У соседки за забором
два подсолнуха живут.
Как дизайнерское чудо,
дому радость создают.
«Это чудо, это чудо», -
повторяют на заре
Просто солнышко на ножке,
Просто счастье на дворе.

МОИ КОТЫ

У меня живут коты
Несусветной красоты.
Представляю вам: Снежок,
Словно бабушкин клубок.
Он, Царапкин, моет лапки
И в порядке держит хвост.
Я скажу вам по секрету:
- Превосходнейший прохвост!

Рыжий - знатный кавалер,
В нападение всем пример.
Оборону держит крепко :
Ходу нет чужим котам.
Любопытный чересчур он –
Узнает всё тут и там.

Маша — статная мадам,
Важный взгляд и стройный стан.
Не поёт — мурлычет кошка,
Утром сидя на окошке.
Мясо любит и творог,
Любит с рыбкою пирог.

Вот они – мои коты!
Несусветной красоты.

Дорогие авторы!

Формируются материалы для очередного альманаха «СТРЕЖЕНЬ – 2015».

Работы на конкурс можно присылать по электронной почте: litsalon@ba.tgl.ru Литературная гостиная; jlia@mail.ru Юлия Шевцова, член СПР; korassadin@yandex.ru Константин Рассадин, член СПР; as_vorontsov@mail.ru Александр Воронцов, член СПР.

Положение о молодежном литературном конкурсе «Литературные ступени Автограда»

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.8. Полное официальное наименование Конкурса: «Молодежный литературный конкурс «Литературные ступени Автограда»

1.9. Сокращенное наименование: Литературный конкурс.

1.10. Местонахождение оргкомитета Конкурса: «Литературная гостиная» МБУК «Библиотеки Автограда». Юбилейная, 8.

2. Цели Конкурса

2.1. Поиск и поддержка юных талантливых авторов, предоставление им возможности творческого общения со своими сверстниками, увлеченными литературой.

2.2. Приобщение к творческому процессу постижения нравственных основ национальной культуры и духовного богатства народа.

3. Задачами Конкурса являются

3.1. Привлечение возможно большего числа молодежи к активной интеллектуальной деятельности, содержательному досугу.

3.2. Поощрение личностной самобытности автора.

3.3. Эстетическое воспитание молодежи.

3.4. Развитие художественного вкуса, фантазии, трудолюбия, инициативы, стремления к активной деятельности.

3.5. Вовлечение молодых людей в занятие творчеством (литературой).

4. Сроки проведения Конкурса

4.1. Конкурс проходит с 1 января 2015 по 14 апреля 2015 года.

4.2. Работы участников Конкурса принимаются по 14 апреля.

4.4. Работа жюри с 20 апреля по 1 мая 2015 года.

4.5. О результатах и победителях конкурса будет объявлено 1 мая 2015 года на сайте «Тольятти литературный»

5. Возрастные группы участников конкурса

5.1. К участию в конкурсе приглашаются частные лица и воспитанники детских учреждений от 10 до 25 лет. Конкурс проводится по двум номинациям для следующих возрастных групп:

Стихи и проза – 10 - 14 лет;

Стихи и проза – 14 - 20 лет;

Стихи и проза – 20 - 30 лет;

6. Оформление конкурсных работ

6.1. На конкурс принимаются работы объемом не более 10 страниц формата А4, напечатанные шрифтом №12, через 1,5 интервала.

6.2. Работы, присылаемые в электронном виде должны быть в формате doc. docx..

6.3. Работы на конкурс принимаются до 10 апреля.

6.4. Работы на конкурс можно присылать по электронной почте: litsalon@ba.tgl.ru Литературная гостиная; jlia@mail.ru Юлия Шевцова, член СПР; korassadin@yandex.ru Константин Рассадин, член СПР; as_vorontsov@mail.ru Александр Воронцов, член СПР.

6.5. На конкурс представляются работы на свободную тему.

6.6. От одного участника принимается согласно номинациям:

стихи — не более 7 стихотворений, размером не менее двух четверостиший; напечатанные шрифтом Arial размером 12, через 1,5 интервала, выравнивание текста по левому краю, без рисунков; проза — любое количество произведений общим объемом до 10 страниц формата А4, напечатанные шрифтом Arial размером 12, через 1,5 интервала, без рисунков, но не менее 2000 знаков.

6.7. ТГО СОПО оставляет за собой право на использование полученных произведений, распространение, издание и переиздание целого произведения или его части в литературном альманахе «Стрежень» Тольятти,

6.9. За достоверность авторства работы ответственность несет лицо, приславшее работу на конкурс. Конкурсные работы не возвращаются и не рецензируются.

Основные термины, используемые в настоящем Положении:

Организатор – Тольяттинское городское отделение Самарской областной писательской организации;

Партнеры – Департамент культуры Тольятти, «Литературная гостиная» МБУК «Библиотеки Автограда», Самарская областная писательская организация, литературный клуб «Любава» г. Жигулевска, городские школы и ВУЗы с гуманитарным уклоном;

Спонсоры – коммерческие организации, оказывающие спонсорскую помощь в проведении Конкурса;

Автор - автор произведения, которое соответствует требованиям конкурса;

Жюри - группа экспертов, осуществляющая оценку конкурсных работ и определяющая победителей и финалистов конкурса.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАТОР КОНКУРСА

7. Функции и обязанности Организатора

7.2. Назначить председателем оргкомитета Конкурса А.С. Воронцова, члена СПР, а также помощников председателя А.В. Кишкурно, К.Ф. Рассадина, Ю.В. Шевцову, Т. Ф, И.С. Минкину.

8. В обязанности Организатора Конкурса входит создание равных условий для всех участников конкурса; обеспечение гласности проведения конкурса; недопущение разглашения сведений о промежуточных и окончательных результатах конкурса ранее даты официального объявления результатов конкурса.

ГЛАВА 4. РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА

12. Оглашение результатов конкурса

12.1. Победителям и финалистам конкурса вручаются ценные подарки и дипломы, их работы размещаются на официальном сайте конкурса, а также в Литературном сборнике «Стрежень» лучших произведений участников конкурса.

12.2. Авторские права и дальнейшее использование конкурсных материалов

12.3. Авторские права остаются за конкурсантами и в случае возникновения, каких бы то ни было их нарушений, организаторы ответственности не несут.

12.4. Конкурсные работы, представленные в адрес отборочного жюри, не возвращаются (за исключением заранее обговоренных с жюри конкурса случаев) и не рецензируются.

12.5. При публикации произведений на страницах альманаха «Стрежень» допускается редакционная правка.

Настоящий проект разработан и представлен Департаменту культуры Тольятти
Общественным советом ТГО СОПО.

Председатель ТГО СОПО
Конт. Телефон 34-82-53

Константин Рассадин.